

„Итак я жил тогда в Одессе...“

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ

ЭЛЕГИИ ПУШКИНА «ПРОСТИШЬ ЛИ МНЕ РЕВНИВЫЕ МЕЧТЫ...»

1

В наше время читающему лирику Пушкина подчас нелегко понять, к кому были обращены те или иные ее строки. Творчество великого поэта, подчиняясь законам высокого искусства, возвышается над конкретностью непосредственного импульса и находит свое выражение в классических формах общечеловеческого содержания.

А между тем трудно найти поэта, чья лирика была бы столь отмечена биографизмом. Белинский заметил, что по произведениям Пушкина «можно следить за постоянным развитием его не только как поэта, но вместе с тем, как человека и характера», что «почвою поэзии Пушкина была живая действительность и всегда плодотворная идея»¹. Но раскрыть биографический элемент в лирике поэта, несмотря на предельную искренность Пушкина, крайне трудно. История Пушкинианы знает, какие ошибки допускали комментаторы при слишком прямолинейных попытках сопоставления лирических произведений с биографией автора.

Другой крайностью изучения лирики Пушкина является полное отрицание биографического метода. В какой-то мере истолкование некоторых лирических произведений в биографическом аспекте действительно может быть необоснованно, особенно при полном отсутствии сведений о том, что могло стать стимулом поэтического вдохновения — реальные жизненные обстоятельства или ассоциации художественного ряда. Домыслы порождают легенды, которые иногда приводят к искажению подлинной биографии Пушкина.

Но у великого поэта есть лирические произведения, которые настолько связаны с его жизнью, что этого не пытаются отрицать даже самые последовательные противники биографического метода. Расшифровка адресата имеет здесь принципиальное значение, ибо домыслы, узаконенные традицией, скрывают от нас подлинное лицо поэта и искажают наши познания о его жизни и творчестве.

История одной такой ошибки относится к одесскому периоду биографии Пушкина.

В конце 1823 года, живя в Одессе, Пушкин послал в альманах «Полярная Звезда» на 1824 год несколько стихотворений. Альманах вышел в свет в Петербурге 20 декабря 1823 года. Издатели, А. А. Бестужев и К. Ф. Рылеев, опубликовали в нем в числе девяти произведений Пушкина две элегии — «Редеет облаков летучая гряда...» и «Простишь ли мне ревнивые мечты...».

Первую элегию Пушкин написал еще в 1820 году и только через три года решил напечатать ее. Посылая стихотворение, поэт просил Бестужева опустить последние три строчки.

¹ В. Г. Белинский, Собр. соч., т. 8, Гослитиздат, 1948, стр. 238, 240.

Альманах был получен в Одессе 12 января 1824 года. Увидя, что пожелание его не исполнено, Пушкин незамедлительно выговорил издателю: «Я на тебя сердит (...) Ты напечатал именно те стихи, об которых я просил тебя: ты не знаешь до какой степени это мне досадно. Ты пишешь, что без трех последних стихов Элегия не имела бы смысла. Велика важность! а какой же смысл имеет: (...) *с болезнью и мольбой Твои глаза, и проч.*?» (XIII, 84).¹

Последнее замечание относилось к элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...», напечатанной Бестужевым с ошибкой: «с болезнью» вместо «с боязнью».

Чем же вызвана щепетильность Пушкина? Три последние стиха элегии «Редет облаков летучая гряда...», обращенные к вечерней звезде, казалось бы, не заключали в себе ничего нескромного:

Когда на хлипши сходила ночи тень —
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

Свою досаду Пушкин пояснил Бестужеву в другом письме:

«Посуди сам: мне случилось когда-то быть влюблену без памяти. Я обыкновенно в (...) таком случае пишу элегии, (...) но ты острамил меня в нынешней Звезде — напечатав 3 последние стиха моей Элегии; (...) Вообрази мое отчаяние, когда увидел их напечатанными — журнал может попасть в ее руки. Что ж она подумает (...), видя с какою охотою беседую об ней *с одним из п(етер)б(ургских) моих приятелей*. Обязана ли она знать, что она мною не названа (...) Признаюсь, одной мыслию этой женщины дорожу я более, чем мнениями всех журналов на свете и всей нашей публики» (XIII, 100—101).

Имя этой женщины установлено Б. В. Томашевским: Екатерина Раевская, которая 15 мая 1821 года вышла замуж за М. Ф. Орлова².

Однако другая элегия поэта — «Простишь ли мне ревнивые мечты...» — содержит предельно смелое откровение, и здесь он совсем не дорожит «мыслию» другой женщины, которой было посвящено стихотворение. Пушкина совсем не смущает, «что она подумает», когда увидит его в печати.

Присутствие биографического элемента в элегии несомненно, и отказываться от использования реальных и точных фактов биографии Пушкина при анализе этого произведения было бы недопустимо.

Прежде всего следует отметить, что, печатая элегию, поэт опустил свою подпись, заменив ее звездочкой, хотя под стихотворением «Редет облаков летучая гряда...» его подпись стоит. Но это никого не обмануло. Имя Пушкина, как писал его приятель И. Е. Великопольский, «слишком хорошо узнается без всякой надобности для того в подписи»³.

Ниже мы увидим, что публикация элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...» имела серьезные последствия и оказала заметное влияние на жизнь и творчество Пушкина.

Напомним читателю элегию «Простишь ли мне ревнивые мечты...», в которой Белинский видел одно из «лучших, задумевнейших созданий лирической музыки» великого поэта, ибо для понимания ее сокровенного смысла чрезвычайно важен каждый стих.

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное воленье?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь мглой,
И всех дарит надеждою пустой

¹ Пушкин. ПСС, изд-во АН СССР, т. 1—16, 1937—1959. В дальнейшем в ссылках на это издание указываются лишь том и страница.

² Б. Томашевский. Пушкин, т. I, М. — Л., изд-во АН СССР, 1956, стр. 483.

³ Пушкин. Письма. Т. II., 1826—1830, Госиздат, 1928, стр. 235.

Твой чудный взор, то нежный, то унылый?
 Мной овладев, мне разум омрачив,
 Уверена в любви моей несчастной,
 Не видишь ты, когда, в толпе их страстной,
 Беседы чужд, один и молчалив,
 Терзаюсь я досадой одинокой;
 Ни слова мне, ни взгляда... друг жестокой!
 Хочу ль бежать: с боязнью и мольбой
 Твои глаза не следуют за мной.
 Заводит ли красавица другая
 Двусмысленный со мною разговор:
 Спокойна ты; веселый твой укор
 Меня мертвит, любви не выражая.
 Скажи еще: соперник вечный мой,
 Наедине застав меня с тобой,
 Зачем тебя приветствует лукаво?..
 Что ж он тебе? Скажи, какое право
 Имеет он бледнеть и ревновать?..
 В нескромный час меж вечера и света,
 Без матери, одна, полу-одета,
 Зачем его должна ты принимать?..
 Но я любим... Наедине со мною
 Ты так нежна! Лобзания твои
 Так пламенны! Слова твоей любви
 Так искренно полны твоей душою!
 Тебе смешны мучения мои;
 Но я любим, тебя я понимаю.
 Мой милый друг, не мучь меня, молю:
 Не знаешь ты, как сильно я люблю,
 Не знаешь ты, как тяжко я страдаю.

За всю историю исследования Пушкина ни у одного из самых ярких противников биографического метода изучения любовной лирики поэта не нашлось возражений против биографичности элегии — настолько очевидны ее реалии. 11 ноября 1823 года — дата создания стихотворения, помеченная Пушкиным при пересылке его в «Полярную Звезду», не случайно, она связана с другим событием этого дня, еще не отмеченным в специальной пушкинской литературе. Об этом речь пойдет ниже.

Лирический протест Пушкина начинается в элегии вопросом: «Простишь ли мне ревнивые мечты»? Это — своеобразное испытание чувств красавицы. Пушкин идет на него сознательно, хотя не уверен, что ему простят горький упрек, вынесенный на суд читателя. Но нет мольбы без надежды, да еще выраженной с такой предельной чистосердечной страстностью: может быть, в этом роковом поединке она не будет бесплодной? Пафос стихотворения определяют не досада, не чувство обиды и не морализаторство, а противопоставление кокетству — самоотвержения, высокой нравственности и чувства собственного достоинства.

С нетерпением ожидал Пушкин ответной реакции. Написав элегию, поэт незамедлительно отправляет ее с первой же почтой в Петербург. Не прошло и пяти дней, как в письме от 16 ноября он пишет Дельвигу, что ждет выхода «Полярной Звезды». То же самое он повторяет и 20 декабря 1823 года в письме к Вяземскому.

Неприятности начались после получения альманаха в Одессе, в середине января 1824 года. Пушкин в беспокойстве. На несколько дней он уезжает из Одессы. В письме к брату он поясняет свое душевное состояние: «Душа моя, меня тошнит с досады — на что ни взгляну, все такая гадость, такая подлость, такая глупость — долго ли этому быть?» (XIII, 86). В это время у него возникает желание покинуть неласковую родину: «...взять тихонько трость и шляпу и поехать посмотреть на Константинополь».

Душевный разлад поэта отразился в его новой элегии, написанной в конце января 1824 года. При жизни Пушкина она не печаталась:

Все кончено: меж нами связи нет.
 В последний раз обняв твои колени,

Произносил я горестные пени.
Все кончено — я слышу твой ответ.
Обманывать себя не стану (вновь),
Тебя тоской преследовать не буду,
Про(шедшее) быть может позабуду —
Не для меня сотворена любовь...

Следствием публикации элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...» явился не только разрыв с любимой женщиной — по-видимому, сказалось и недовольство другого лица, задетого в стихотворении. Не без необходимости Пушкин решил срочно перепечатать элегию и 1 февраля 1824 года обратился в Петербург к Булгарину:

«Вы очень меня обяжете, если поместите в своих листках здесь прилагаемые две пьесы. Они были с ошибками напечатаны в Полярной Звезде, отчего в них и нет никакого смысла. Это в людях беда небольшая, но стихи не люди» (XIII, 85).

«Журнал нравов и словесности» — «Литературные Листки» издавался Ф. В. Булгариным два раза в месяц, в качестве приложения к историческому журналу «Северный Архив». Обращаясь к издателю, Пушкин не объяснил ему истинную причину своей просьбы. Указания на ошибки были только предлогом. Поэту необходимо было из одной «прилагаемой пьесы», а именно элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...», срочно изъять три стиха, которые задевали его «вечного» соперника:

В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полу-одета,
Зачем его должна ты принимать?..

Булгарин не заставил себя упрашивать, и уже 3 марта 1824 года элегия была опубликована вторично в четвертом номере «Литературных Листков» без указанных трех стихов. Издатель сопроводил перепечатку двух стихотворений Пушкина своим примечанием: «Автор сих стихов прислал мне ко мне для помещения в Литературных Листках, по той причине, что они были напечатаны в другом издании с некоторыми ошибками».

На этот раз под элегией «Простишь ли мне ревнивые мечты...» стояла подпись «А. Пушкин» — скрывать свое имя поэту уже не было нужды.

В свое время Б. Л. Модзалевский предположил, что «и у Булгарина дело не обошлось без опечатки: в „Элегии“ (...) было пропущено, — вероятно, по требованию цензуры, — три стиха (26—28), хотя они и были в тексте „Полярной Звезды“»¹.

Однако Модзалевский ошибался. Петербургский цензор А. Бируков ранее дал санкцию публиковать полный текст элегии, и в новом цензуровании она не нуждалась. Не было у Булгарина опечатки: он имел новый беловой список (П. Д., № 65), который Пушкин приложил к своему письму — здесь были нарочито опущены три стиха, несмотря на нарушение рифмовки. Преднамеренность этого поступка подтверждается и тем, что Пушкин в издании сборника своих стихотворений, который вышел в свет в начале 1826 года, снова восстановил опущенные стихи элегии.

Так кто же эта женщина, к которой обратился поэт с прочувствованными словами любви, ревности, укоризны, надежды, прощания и прощания?

Вопрос этот может показаться странным, ибо более века до последнего времени все виднейшие пушкинисты придерживались, казалось бы, непрекаемого взгляда: элегия Пушкина относилась к жене одесского негодяя Амалии Ризнич.

Давно уже введен в научный обиход комментарий к тем произведениям поэта, которые считались обращенными к ней. Традиционная тема «Пушкин и Амалия Ризнич» уточнялась лишь в деталях, и никто не пытался ставить под сомнение основную концепцию.

¹ Пушкин. Письма, Т. I, 1815—1825, Госиздат, 1926, стр. 306.

В последнем издании Собрания сочинений А. С. Пушкина в десяти томах (1974) сказано, что в примечаниях к лирическим произведениям «содержится реальный комментарий, необходимый для наиболее полного и точного понимания того или иного произведения». Между тем примечание к элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...» традиционно связывает ее с отношениями Пушкина с Амалией Ризнич.

В статье Т. Г. Цявловской «Храни меня, мой талисман», опубликованной в десятом номере альманаха «Прометей» за 1974 год, к Амалии Ризнич отнесены не только элегия «Простишь ли мне ревнивые мечты...», но и цикл лирических произведений, созданных Пушкиным за последние месяцы 1823 и начало 1824 годов: «Ночь», «Как наше сердце своенравно...», «Все конечно: меж нами связи нет...» и другие. Однако вывод этот неоснователен.

Что мы знаем об Амалии Ризнич? Что нам известно о характере отношения к ней поэта? Достоверного — почти ничего. Ссылки на имя Амалии Ризнич в «донжуанском списке» Пушкина ничего не меняют, ибо шутовское перечисление имен мало говорит о серьезности чувства, а тем более — о влиянии его на творчество поэта.

Откуда же возникла уверенность в огромной роли Амалии Ризнич в жизни Пушкина в одесский ее период?

Начало положил профессор Ришельевского лицея К. П. Зеленецкий, опубликовавший в 1856 году в «Одесском Вестнике» статью «Г-жа Ризнич и Пушкин». Пользовался он материалами противоречивых рассказов одесских старожил, которые при некотором правдоподобии деталей по сути своей малосущественны.

Спустя полвека появилась статья профессора М. Е. Халанского в «Харьковском Университетском Сборнике». Написана она была на основании воспоминаний югославского профессора Сречковича, лично знавшего мужа Амалии Ризнич. Встретившись с ученым в Киеве в пятидесятых годах прошлого века, последний рассказал Сречковичу маловероятную историю о том, что Пушкин «страстно привязался к г-же Ризнич (...) но взаимностью не пользовался: г-жа Ризнич была к нему равнодушна».

На основе подобных тенденциозных сведений и конструировалась концепция о влиянии Амалии Ризнич на Пушкина и посвящении ей поэтом цикла лирических произведений.

В свое время П. Е. Щеголев подробно исследовал тему «Амалия Ризнич в поэзии А. С. Пушкина»¹ и убедительно отверг многие домыслы. Однако исследователь и сам не избежал существенных ошибок, излишне положившись на домыслы в статье Зеленецкого. Вслед за Щеголевым пошел и такой противник биографического метода в изучении лирики Пушкина, как Г. П. Макогоненко².

Когда Щеголев пришел к выводу, что к Амалии Ризнич, кроме «Простишь ли мне ревнивые мечты...», необходимо отнести также элегию «Под небом голубым страны своей родной...» и XV—XVI строфы из белого списка шестой главы «Евгения Онегина», Макогоненко подтвердил, что «вывод этот точен и справедлив». Однако из указанных ученым произведений Пушкина по крайней мере два никакого отношения к памяти Амалии Ризнич не имеют.

В фундаментальный труд «Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина» М. А. Цявловского, там, где речь идет об Амалии Ризнич, тоже вкрались ошибки. Цявловский, как и Щеголев, считал, что статьи Зеленецкого «во многом основанные на показаниях лиц, знавших поэта, и на архивных документах, имеют значение первоисточника и в качестве такового заслуживают внимания»³.

¹ П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. М. — Л., 1931.

² Г. П. Макогоненко. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы. Л., «Художественная литература», 1974.

³ М. А. Цявловский. Книга воспоминаний о Пушкине, М. 1932, стр. 236.

Такой подход казался тем более непредвзятым, что сам поэт восторженно говорил о красавице-негоциантке:

А только ль там очарований?
 А разыскательный торнет?
 А закулисные свиданья?
 А ргiта доппа? а балет?
 А ложа, где красой блистая,
 Негоцианка молодая,
 Самолюбива и томна,
 Толпой рабов окружена?
 Она и внемлет и не внемлет
 И каватине и мольбам,
 И шутке с лестью пополам...
 А муж — в углу за нею дремлет,
 Впросонках фора закричит,
 Зевчет — и снова захрапит.

Идентичность стиха «Толпой рабов окружена» строке из элегии «Окружена поклонников толпой» и способствовала поспешности вывода о том, что элегия «Простишь ли мне ревнивые мечты...» обращена к Амалии Ризнич. В «Евгении Онегине» Пушкин воспользовался этим образом, ибо в поэзии светская красавица всего чаще окружена толпой. Других точек соприкосновения элегии со строфой об Одессе в «Онегине» мы не находим. Зато есть существенное различие — в элегии отсутствует упоминание о муже.

Известно, что негоциант Иван Ризнич уехал из Одессы в Вену в 1822 году и там женился. Вернулся он в Одессу с молодой женой весной 1823 года. Почти в то же время, в июле, переехал из Кишинева в Одессу и Пушкин. В начале ноября была написана элегия «Простишь ли мне ревнивые мечты...». Казалось бы, что время мучительной страсти и ревнивых мечтаний — глубокая осень. Однако одно существенное обстоятельство разбивает произвольные вторжения комментаторов в летопись жизни и творчества поэта.

Перед нами «метричная книга», выданная за подписом и с приложением печати от члена Кишиневской Духовной Дикастерии Одесского протоне-

Книга.

Метричная Книга Заготовленная Петрилою ок. 1824 г. в
 печати отъ епископа Кишиневскаго Духовной Дикастеріи еданаго
 протоіерее и кавалери Петра Куницкого въ Одесското Соборногю
 преобретеную Церковь св. Замилванія гравшмре Епис.
 Кн. Советавшаго Муморнаго въ точеніи 1824 г. года

№:		Часть первая о рожденных	
число рожден ия	у кого кто родился.	число пере сказа	Кто воспринимал
1.	1. родная младенецъ Амалия отъ родителей Обескано ильцантиса и Анатоліа Александрова и Антоніа его жены ильцантиса въ пре- столь Свяцкогю въ оредѣ М. бай ж. бонис	1.	Генералъ. вострѣмилъ соу била гас свогю соборногю церкви в Одессѣ дитови оред Амаліа; —
5.	4. родная младенецъ Александръ отъ роди телей Полимеріи въ то мѣсяцъ 4 ^{го} ильцантиса Ризничка, и Стефанъ его алексіа, Маминбо. и Переставилъ Петръ Куницкаго; —	3	вострѣмилъ соу въ свѣ Бенаралъ адъютантъ иловороссійскіи генер ралъ губернаторъ мѣ саяно (Валіевогю) въ примовѣ.
2.	2. родная младенецъ Софья отъ родителей в. а. ильцантиса и женою Новжова и		в. а. ильцантиса и

рея Петра Куницкого в Одесскую Соборную Преображенскую церковь для записывания родившихся, бракосочетавшихся и умерших в течение 1824 года».

Запись от 3 января 1824 года дает нам возможность исправить заблуждение о том, к кому обращена элегия «Простишь ли мне ревнивые мечты...».

«1-го Января — родился младенец Александр от родителей Коммерции советника, 1-ой гильдии купца Ивана Ризнич и жены его Аксиини...»

Вместо чуждого русской православной церкви имени «Амалия» малограмотный дьячок вписал другое имя.

«Молитвовал и крестил протоиерей Петр Куницкий. Восприемником был Генерал-Адъютант и Новороссийский Генерал-Губернатор Михайло Семенович Воронцов»¹.

Этот документ не требует комментария. Обсуждаемый более века вопрос о значении и роли Амалии Ризнич в жизни и творчестве Пушкина должен быть заново пересмотрен.

Весной 1824 года Амалия Ризнич была серьезно больна. В июне 1824 года ее муж писал П. Д. Киселеву:

«У меня тоже большое несчастье со здоровьем моей жены. После ее родов ей становилось все хуже и хуже. Изнурительная лихорадка, непрерывный кашель, харканье кровью внушали мне самое острое беспокойство. Меня заставляли верить и надеяться, что хорошее время года принесет какою-нибудь облегчение, но к несчастью случилось наоборот. Едва пришла весна, припадки сделались сильнее. Тогда доктора объявили, что категорически и не теряя времени она должна оставить этот климат, так как иначе они не могли бы поручиться за то, что она переживет лето. Само собой разумеется, я не мог выбирать и стремительно решился на отъезд»².

В начале мая 1824 года Амалия уехала из Одессы и в 1825 году умерла за границей. Есть сведения, что Пушкин провожал ее в Одессе. Зная ее болезненное состояние, он не мог не оказывать ей внимания. Ее страдания должны были найти отзвук в гуманной душе поэта; не исключено, что впоследствии воспоминания о ней отразились и в его творчестве.

Не помогла ли память о Ризнич созданию органически жизненного образа осени в знаменитом болдинском стихотворении, написанном Пушкиным в 1833 году?

...Из годовых времен я рад лишь ей одной,
В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашел мечтою своенравной.
Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева,
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице еще багровый цвет.
Она жива еще сегодня, завтра нет.

Весть о смерти Амалии Ризнич Пушкин получил в 1826 году в Михайловском. Он откликнулся на ее кончину, но в этом отклике не было душевной теплоты:

Напрасно чувство возбуждал я:
Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.

¹ Государственный архив Одесской области. Фонд 37, опись 3, дело № 288, л. 1. Приношу глубокую благодарность члену Пушкинской комиссии Одесского Дома ученых Лидии Адольфовне Щербине, которая по моей просьбе просмотрела метрическую книгу и прислала выписки из нее.

² Пушкин и его современники. Вып. XXXI—XXXII, Л., 1927, стр. 91—92; П. Е. Щеголев, Из жизни и творчества Пушкина, стр. 259.

То, что стихотворение 1826 года посвящено Амалии Ризнич, подтверждает письмо одесского приятеля Пушкина В. И. Туманского, который извещал поэта о вторичной женитьбе Ивана Ризнича: «Новая м-м Ризнич, вероятно не заслужит ни твоих, ни моих стихов по смерти» (XIII, 321).

Но в ту пору поэтом владела скорбь о казненных декабристах, и для «легксерной тени» Амалии Ризнич не нашлось «ни слез, ни пени».

2

Однако если элегия Пушкина «Простишь ли мне ревнивые мечты...» обращена не к Амалии Ризнич, так кто же является ее адресатом? Может быть, здесь вообще нет реалий, а есть лишь порожденные поэтикой романтизма «гордой девы идеал, и безыменные страдания»?

Герой романа Бенжамена Констана «Адольф» заявлял, что «нет совершенного единства в человеке и почти никогда не бывает никто ни совсем чистосердечным, ни совсем криводушным». Пушкин вполне мог соглашаться с героем своего любимого автора.

Поэт сам признавал, что в 1823 году он увлекался произведениями французского прозаика и публициста. В пушкиниане это не раз отмечали, но общность творческих мотивов у двух писателей находили лишь в более поздний период биографии Пушкина. Между тем в элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...» есть много точек соприкосновения с Константином, так как ситуация жизни Пушкина в этот момент удивительно аналогична сюжетной линии романа «Адольф».

П. А. Вяземский в начале тридцатых годов прошлого века полностью перевел роман Бенжамена Констана. И хотя сопоставление пушкинской элегии с этим романом несколько затруднено ввиду некоторой архаичности лексики переводчика, сходство отдельных мотивов двух произведений и их поэтического выражения не может не обратить на себя внимания.

Говоря о любимой женщине, Адольф рассказывает:

«Она никогда не бывала одна. Целые вечера проходили так, что мне едва удавалось сказать ей с глазу на глаз несколько слов незначительных или перерываемых. Вскоре такое принуждение начало меня раздражать. Я стал мрачен, молчалив, неровен в обхождении, язвительен в моих речах. Едва мог я воздерживать себя, когда видел, что другие говорят наедине с Элеонорой (...)

Всегда робкий, часто раздраженный, я жаловался, выходил из себя, обременял Элеонору укоризнами. Не один раз замышляла она разорвать союз, проливающаящий на жизнь ее одно беспокойствие и смущение; не один раз смягчал я ее моими молениями, отрицаньями, слезами. Элеонора, писал я ей однажды, вы не ведаете всех страданий моих»¹.

Построение элегии Пушкина «Простишь ли мне ревнивые мечты...» весьма напоминает приведенный выше текст и заканчивается реминисценцией из «Адольфа»: «Не знаешь ты, как тяжело я страдаю».

Импульсом создания Пушкиным элегии явилась не аналогия с сюжетной линией романа «Адольф», а удивительное совпадение жизненных ситуаций, и в силу этого лирический протест поэта невольно нашел выход в сходных композиционных формах.

Мы не должны забывать, что в эту пору романтическое мировосприятие Пушкина вступило в конфликт с живой действительностью. 1823 год — важнейший этап перехода поэта на новые эстетические позиции. И не на последнем месте при определении сущности этого этапа должен стоять вопрос об истоках лирического цикла стихотворений, написанных Пушкиным в конце года, в котором основное место занимает элегия «Простишь ли мне ревнивые мечты...».

¹ П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. X. СПб, 1886, стр. 19—21.

Где-то в середине 1823 года мы и должны искать истоки зарождения мучительной страсти поэта, охватившей его по приезде в Одессу.

Эпистолярное наследие Пушкина включает черновой набросок написанного по-французски письма, обращенного к неизвестной, имя которой до сего времени не раскрыто. В академическом издании полного собрания сочинений поэта это письмо без адреса датируется июнем — июлем 1823 года. По содержанию и стилю оно столь близко элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...», что невольно напрашивается предположение: письмо и элегия обращены к одному лицу.

«[Не из дерзости пишу я вам — но я имел слабость признаться вам в смешной страсти и хочу объясниться откровенно —]. Не притворяйтесь, это было бы недостойно вас [и к тому же] это совершенно бесполезно — кокетство, [которое вам так к лицу], было бы <...> жестокостью <...> легкомысленной и, главное, совершенно бесполезной, — вашему гневу я также поверил бы не более, — чем могу я вас оскорбить; я вас люблю с таким порывом нежности, с такой скромностью — <...> даже ваша гордость не может быть задета [вы знали, что] [знаете мое высокое] меня поняли] [давно (?)] [вы].

Будь у меня какие-либо надежды, я не стал бы ждать кануна вашего отъезда, <...> чтобы открыть свои чувства. Припишите мое признание лишь восторженному состоянию, с которым я не мог более совладать, которое дошло до изнеможения [и глупости]. [Я не хочу ничего]. Я не прошу ни о чем, я сам не знаю, чего хочу, — тем не менее я вас...» (XIII, 525—526, 565—566).

Попытки раскрыть личность адресата этого письма имеют свою историю. В статье «Три письма к неизвестной» Т. Г. Цявловская в 1933 году сопоставила его с двумя другими, позднейшими письмами поэта и предположила, что все они писаны к одному лицу, «настолько они похожи тоном»¹. В другой статье, возвращаясь к вопросу об этом письме, она отказалась от своих выводов: «Я не настаиваю на том, что оно обращено к той же женщине»².

В XIII томе академического издания есть примечание к письму «к неизвестной»: «В качестве адресата письма комментаторы без достаточных оснований называли М. Н. Раевскую, Каролину Собаньскую; в последнее время А. де Рибас выдвинул гипотезу о том, что письмо обращено к Е. Н. Орловой» (XIII, 435).

Однако у одесского пушкиниста А. М. де Рибаса не было никаких оснований предполагать, что адресат письма Пушкина — жена М. Ф. Орлова, рожденная Е. Н. Раевская, даже и в том случае, если иметь в виду, что когда-то поэт питал к ней не только дружеские чувства. История замужества Екатерины Раевской была хорошо известна Пушкину, и вспышка внезапной страсти к ней летом 1823 года, после двух лет ее замужества, была бы запоздалой и неуместной.

Но как ни странно, тот же де Рибас совершенно правильно установил, что позднейшие письма Пушкина, столь «похожие тоном» на письмо «к неизвестной» (о них речь будет идти ниже), которые ранее считались набросками повести, были обращены к Каролине Собаньской³. Вопреки мнению академических комментаторов, оснований для этого больше чем достаточно. Тот, кто назвал Собаньскую адресатом письма Пушкина «к неизвестной», был ближе к истине, чем те, кто предполагал обращение поэта к М. Н. Раевской или Е. Н. Орловой.

Письма, о которых идет речь, похожи не только «тоном», но и своей внутренней связью с усиленным вниманием Пушкина к роману Бенжамена Констан (в своей статье «„Адольф“ Бенжамена Констан в творчестве Пушкина» А. А. Ахматова отметила, что в письме «к неизвестной» 1823 года есть цитата из «Адольфа»). В своих позднейших письмах к Собаньской Пуш-

¹ Звенья, 2. М. — Л., АCADEMIA, 1933, стр. 241.

² Рукою Пушкина, М. — Л., АCADEMIA, 1935, стр. 184.

³ Там же, стр. 184—185.

кин сам признает свое увлечение ею в 1823 году. Сюжетная канва романа «Адольф» близка тому, как сложилась судьба героини пушкинского биографического «романа». В этой необыкновенной аналогии и заключается одна из загадок пристрастия поэта к французскому романисту.

Как будто о Собаньской повествует Адольф в романе французского писателя: «Я познакомился с графом П... Ему было лет сорок (...) С ним жила его любовница, полька, прославленная своею красотой, хотя и была она уже не первой молодости. Женщина сия, несмотря на свое невыгодное положение, оказала во многих случаях характер необыкновенный. Семейство ее, довольно знаменитое в Польше, было разорено в смутах сего края»¹.

Каролина Собаньская, рожденная графиня Ржевуская, жила в Одессе отдельно от мужа, открыто принимая своего возлюбленного графа и не особенно стесняясь столь «невыгодного положения». Все в ней было необыкновенно — и красота, и характер, и ум, подобно героине романа Бенжамена Константа Элеоноре. В позднейших письмах к Собаньской Пушкин и называл ее этим именем.

Если мы сопоставим текст романа с письмом Пушкина 1823 года «к неизвестной», то у нас уже не будет сомнения в том, кто эта «неизвестная»:

«Явившись моим взорам в минуту, когда сердце мое требовало любви, а чувство суетное успехов, Элеонора показала мне достойною моих искусительных усилий (...) Я был в нетерпении объясниться. Ибо казалось мне, что для успеха стоило только мне открыться (...)»

(...) Не прихожу отречься от признания, которое могло вас обидеть, напрасно хотел бы я того. Любовь вами отвергаема несокрушима. Самое напряжение, которым одолеваю себя, чтобы говорить с вами несколько спокойно, есть свидетельство силы чувства, для вас оскорбительного (...) Прошу вас (...) удалить, воспоминание о минуте исступления, не наказывать меня за то, что вы знаете тайну, которую должен был заключить я во глубине души моей (...) Я ужасно несчастлив: я уже не имею достаточной бодрости для перенесения столь продолжительного несчастья; я ничего не надеюсь, ничего не прошу, хочу только вас видеть (...)»².

«Я не хочу ничего. Я не прошу ни о чем», — почти слово в слово повторил Пушкин слова Бенжамена Константа своей Элеоноре. Они, по-видимому, не столько послужили литературным образцом, сколько повлияли на решение признаться в своей страсти.

Обратимся к последующим письмам к Каролине Собаньской, написанным спустя семь лет, к финалу отношения поэта к польской красавице. Они во многом пояснят нам характер их первоначальных встреч.

В академическом издании полного собрания сочинений А. С. Пушкина оба письма датируются 2-м февраля 1830 года, несмотря на то, что черновики этих писем находятся в разных тетрадах. Для одного из них такая датировка ошибочна. По тексту видно, что между ними был какой-то интервал во времени, в который поэт встречался с Собаньской в Петербурге. Как содержание, так и датировка очень важны, поэтому обратимся к черновому письму, где зачеркнутые строчки могут объяснить больше, чем реконструкция перевода французского текста:

«[Сегодня 9 лет как] Сегодня [день св. Вал], это 9-я годовщина дня, когда я вас увидел в первый раз. Этот день был решающим в моей жизни (...) Чем более я об этом думаю, тем более убеждаюсь, что мое существование неразрывно связано с вашим; [всякое иное] я рожден, чтобы любить вас и следовать за вами — [всё] всякая другая забота с моей стороны — заблуждение или безрассудство; (...) [одно только ваше присутствие способно меня оживить —] вдали от вас меня лишь грызет мысль о счастье, которым я [никогда не мог бы достаточно насладиться] не сумел насытиться. Рано или поздно мне придется всё бросить и прийти [бродить около вас] пасть к ва-

¹ П. А. Вяземский. ПСС, т. X, СПб., 1886, стр. 8—9.

² Там же, стр. 11, 17—18.

шим ногам. Среди моих мрачных сожалений меня прельщает и оживляет лишь только мысль о том, что когда-нибудь у меня будет клочок земли в (нрзб.) Там смогу я совершать паломничество, бродить вокруг вашего дома, встречать вас, [опьяняться] мельком вас видеть» (XIV, 445).

Редакция академического издания определяла датировку этого письма по дню «святого Валентина» — 14 февраля нового стиля, что в переводе на старый означало 2 февраля. Но 2-ым февраля датируется и другое письмо Пушкина к Собаньской, следовательно, здесь перепутаны либо дата, либо имя святого.

В черновом автографе письма нет четкой прописи «день святого Валентина», там вписано и зачеркнуто «La S. Val». 2 февраля старого стиля по православному календарю празднуется Сретенье. Этот же праздник у католиков с незапамятных времен называется *Chandeleur* — Светильник, он празднуется 2-го февраля *нового* стиля, что в переводе на старый означало 21-го января. Но православная церковь отмечала в этот день праздник святого *Валериана*.

Вероятно, в день 9-ой годовщины своей встречи с Собаньской Пушкин и начал письмо, упомянув «La S(aint) Val(erien)», но вспомнив, что имеет дело с католичкой, тотчас же зачеркнул эти строки.

По-видимому, в его отношениях с Собаньской имя «Валериан» имело какое-то неизвестное нам значение. В «Арапе Петра Великого», где, как известно, много биографических намеков, мы встречаем имена Леоноры и Валериана. К тому же в конце 1829 — начале 1830 года Пушкин писал повесть «На углу маленькой площади...», которая, как отметила А. А. Ахматова, имеет сюжетную аналогию с романом Бенжамена Констана «Адольф» и в которой Пушкин назвал своего героя Валерианом.

Итак, судя по письму, первая встреча и знакомство Пушкина с Собаньской произошли 21-го января 1821 года, начало их отношений должно быть отнесено ко второй половине 1823 года, а финал — к концу 1829 — началу 1830 годов.

Даже через семь лет аналогия судьбы Собаньской с сюжетными перипетиями романа Бенжамена Констана остается для Пушкина актуальной. В своем письме поэт как бы подчеркивает историческую значительность участи героев романа, ибо в «Адольфе» современники видели историю любви Бенжамена Констана к знаменитой мадам де Стадь.

Слова Пушкина в письме — «одно только ваше присутствие способно меня оживить» напоминают слова Адольфа: «...но мне необходимо вас видеть, если я должен жить». Пушкин зачеркнул эти строки, чтобы впоследствии выразить их суть в письме Онегина к Татьяне:

Я знаю; век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я...

Ту же мысль мы найдем и в III сцене «Каменного гостя».

Отметив эти факты в своей статье «„Адольф“ Бенжамена Констана в творчестве Пушкина»¹, А. А. Ахматова сочла их заимствованиями готового характера. Но мы не можем присоединиться к этому утверждению, зная теперь, что увлекало Пушкина.

Заключительные слова послания поэта к Каролине Собаньской напоминают о том душевном состоянии Адольфа, когда из-за любви к Элеоноре он был «равно неспособен к рассеянию и умственным занятиям». Он «бродил беспрестанно мимо дома Элеоноры; бегал по городу, как будто при каждом повороте улицы мог надеяться встретить ее»².

¹ Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, I, М. — Л., изд-во АН СССР, 1936, стр. 110.

² П. А. Вяземский. ПСС, т. X, СПб., 1836, стр. 13—14.

Но финал отношений Пушкина и Карелины Собаньской оказался иным, чем у героев Констана. В этом финале вновь возникает отзвук прошлого, о нем мы можем судить по последнему письму поэта, которое было ответом на записку к нему Собаньской от 2 февраля 1830 года:

«В прошлый раз я забыла, что отложила до воскресенья удовольствие видеть вас. Я упустила из виду, что должна буду начать этот день с мессы, а затем мне придется заняться визитами и деловыми разъездами. Я в отчаянии, так как это задержит до завтрашнего вечера удовольствие вас видеть и послушать вас. Надеюсь, что вы не забудете о вечере в понедельник и не будете слишком досадовать на мою докучливость, во внимание ко всему тому восхищению, которое я к вам чувствую.

К. С.

Воскресенье утром» (XIV, 400).

Семь лет прошло после первого признания Пушкина в Одессе Каролине Собаньской, семь лет — со времени создания элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...» и как следствия — разрыва их отношений. И теперь снова, но уже в Петербурге, вспыхнула еще не угасшая прежняя страсть поэта. Однако Пушкин не отрекся от своей укоризны и, в ответ на записку Собаньской, как бы снова пишет элегию «Простишь ли мне ревнивые мечты...», но уже во французской прозе.

Реконструкция этого текста, включающая некоторые зачеркнутые строки черного варианта, наиболее приблизит нас к сути послания.

«Вы смеетесь над моим нетерпением, вам как будто доставляет удовольствие обманывать мои ожидания [надежда на свидание с вами сегодня разбудила меня] итак я увижу вас только завтра — пусть так. Между тем я могу думать только о вас. [Между тем мне необходимо поговорить с вами].

Хотя видеть и слышать вас составляет для меня счастье [наслаждение], я предпочитаю не говорить а писать вам. [Ваше присутствие печалит меня... Мои речи стеснены] В вас есть ирония, лукавство, которые раздражают и повергают в отчаяние. Ощущения становятся мучительными, а искренние слова в вашем присутствии превращаются в пустые шутки.

Вы — демон, то есть *тот, кто сомневается и отрицает*, как говорится в Писании.

В последний раз вы говорили о прошлом жестоко. Вы сказали мне то, чему я старался не верить — [было ли это] в течении 7 лет. Зачем? [Хотели ли вы отомстить<...>]

<...>Счастье так мало создано для меня, что я не признал его, когда оно было передо мною — Не говорите же мне больше о нем, ради Христа<...> — В угрызениях совести, если бы я мог испытать их — в угрызениях совести<...> было бы какое-то наслаждение — а подобного рода сожаление вызывает в душе лишь яростные и богохульные мысли.

Дорогая Элленора, позвольте мне называть вас этим именем, напоминающем мне [ваше очарование (?)] [и идеальное очарование и призрак прошлого] [и ваши прелести · (?)] [и одну из идеальных женщин [и [мой] жгучие чтения моих юных · (?)] лет, и нежный призрак прельщавший меня тогда и ваше собственное существование [столь потрясенное страстями, столь далекое от вашего предназначения (?)] такое жестокое и бурное, такое отличное от того, каким оно должно было быть.

Дорогая Элленора, [было время, когда ваш голос, ваш взгляд опьяняли меня] вы знаете, <...> я испытал на себе всё ваше могущество. Вам обязан я тем, что познал всё, что есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении, также как и всё, что в нем есть самого ошеломляющего. От всего этого у меня осталась лишь слабость выздоравливающего, одна привязанность, очень нежная, очень искренняя и немного робости, которую я не могу побороть [которую я не могу не испытать в присутствии существа [столь выдающегося и злоторного].

⟨...⟩ Я прекрасно знаю, что вы подумаете, [Посмотрите, скажете вы, как он из кожи лезет вон, чтобы заставить меня поверить, что он не то чем кажется] если когда-нибудь это прочтете — как он неловок — он стыдится прошлого — вот и всё. Он заслуживает, чтобы я снова посмеялась над ним — (он полон самомнения, как его повелитель Сатана). Неправда ли.

Однако взявшись за перо, я хотел о чем то просить вас — уж не помню о чем — ах, да — о дружбе — [то-есть о близости — о доверии]. Эта просьба очень⟨...⟩ банальная, очень — как если бы нищий попросил хлеба — но дело в том, что мне необходима ваша близость⟨...⟩

А вы, между тем, по-прежнему прекрасны, так же как и в день переправы, или же на крестинах, когда ваши [влажные] пальцы коснулись моего лба — Это прикосновение чувствуется мною до сих пор — прохладное, влажное. Оно обратило меня в католика — Но вы увянете; Эта красота когда-нибудь ⟨?⟩[опадает и станет] покатится вниз как лавина — Ваша душа некоторое время еще продержится среди стольких опавших прелестей — а затем исчезнет, и никогда, быть может, моя душа, ее ⟨?⟩ боязливая рабыня, не встретит ее в ⟨?⟩ беспредельной вечности.

⟨...⟩Но что такое душа [без вашего взгляда]. У нее нет ни взора, ни мелодии — мелодия быть может —» (XIV, 400—401, 445—447).

Это письмо к Собаньской во многом уточняет и дополняет историю одесских отношений с «жестоким другом». Оно является точнейшим комментарием к элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...» и раскрывает предпосылки ее создания.

Собаньская осталась верна себе, сохранив прежнюю иронию и прежнее лукавство. Теперь она уверяет поэта в былой любви к нему, чему он «старался не верить, в течении 7 лет». Пушкин сомневается — «было ли это», и тотчас мелькает догадка: «Хотели ли вы отомстить?»

Но что мог совершить поэт? Почему он должен «стыдиться прошлого»? Эти вопросы могут быть разрешены, если мы примем в соображение публикацию элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...» и последующий разрыв его отношений с Собаньской в начале 1824 года.

Если раньше поэт укорял возлюбленную: «Тебе смешны мучения мои», то и теперь он уверен, что она может подумать: «Он заслуживает, чтобы я снова посмеялась над ним». Он не верит ей, как и раньше. Пушкина раздражают ее ироническая насмешливость, лукавое кокетство, которые в прошлом явились причиной страданий, породивших элегию 1823 года. И все же у него осталась «искренняя и нежная привязанность» к этой женщине. Он видит в ней «одну из идеальных женщин», «нежный призрак, прельщавший» его, когда он в «юные лета» занимался «жгучими чтениями» романа Бенжамена Констана «Адольф». Именем героини — «Элленоры» — и просит Пушкин разрешения называть Каролину Собаньскую, так тождественно в них «идеальное очарование».

Для Пушкина и через семь лет Собаньская «по-прежнему прекрасна», как когда-то «в крестинах». Как это понимать?

В одной из своих статей Т. Г. Цявловская привела сводку материалов о Собаньской с комментариями к письмам Пушкина к прекрасной польке. Но тогда многое не было известно исследовательнице, и точного освещения истории отношений Пушкина с Собаньской она дать не могла. Объясняя упоминание Пушкина о «крестинах», Цявловская предположила, что поэт в Одессе сопровождал Собаньскую в костел, где она «за него опустила пальцы в кропильницу и затем коснулась знаком креста его лба („крещение“)»¹.

Но это лишь предположение, тогда как «день крестин» — событие совершенно реальное. 11 ноября 1823 года в Кафедральном Преображенском Соборе Одессы происходило крещение сына и наследника графа Воронцова. Разумеется, всё высшее общество и чиновничество Одессы присутствовали на семейном торжестве Новороссийского генерал-губернатора.

¹ Рукою Пушкина. АCADEMIA, М. — Л., 1935, стр. 200.

Во всех материалах дата рождения сына М. С. Воронцова всегда искажалась. Повторила эту ошибку и Т. Г. Цявловская в своей статье «Храни меня, мой талисман» в десятом номере «Прометея» за 1974 год, указав на дату 23 октября 1823 года.

Однако в метрической книге о рождении, браках и смерти Кафедрального Преображенского Собора г. Одессы за 1822—1823 годы, в записи за № 308 от 11 ноября 1823 года, о крещении сказано:

«8 ноября родился младенец Семьон от родителей Генерал-Лейтенанта Графа Воронцова и жены его Елизаветы. Молитвовал и крестил протоиерей Петр Куницкий. Восприемником был Генерал-майор Граф Александр Гурьев»¹.

<p>8 Подпись свидетеля Семьонъ сынъ родившійся Венскаго Собора Елизаветы Графа Воронцова и крестилъ протоиерей Петръ Куницкий</p>	<p>11 Восприемник Александръ Гурьевъ Графъ Александръ Гурьевъ</p>
---	--

11-е ноября 1823 года Пушкину запомнилось надолго. И не только потому, что Каролина Собаньская в шутку могла опустить руку в купель, а затем прикоснуться ко лбу поэта. В этот день она была не только ослепительно прекрасна, но и, по-видимому, особенно насмешлива.

Горечь ревности и неразделенной любви усилилась проницательным отношением Собаньской к легко ранимому поэту. 11-го ноября 1823 года Пушкин окончательно подвел итог тяжелому напряжению своего чувства созданием поэтического шедевра, гениального лирического протеста против «жестокости» любимой женщины — элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...».

О Каролине Собаньской осталось много воспоминаний и исследований. Многие приписывают ей провокаторскую деятельность. Каков же был ее нравственный облик? Какова политическая направленность ее поступков? Что означают слова Пушкина о ее «собственном существовании, столь потрясенном страстями, столь далеком от ее предназначения»? Что он знал о «существовании столь выдающемся и зловещем»?

Пушкин понимал Собаньскую лучше многих современников. Когда она обратилась в самом начале 1830 года за автографом к первому поэту России, он написал ей в альбом мадригал, который начал с вопроса:

Что в имени тебе моем?
 Оно умрет, как шум печальный
 Волны, плеснувший в берег дальный,
 Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
 Оставит мертвый след, подобный
 Узору надписи надгробной
 На непонятном языке.

Что в нем? Забытое давно
 В волненьях новых и мятежных,
 Твоей душе не даст оно
 Воспоминаний чистых нежных.

Но в день печали, в тишине,
 Произнеси его тоскуя;
 Скажи: есть память обо мне,
 Есть в мире сердце, где живу я...

¹ Гос. Архив Одесской обл. Фонд 37, опись 6, ед. хр. 3, л. 31.

Каролина—Розалия—Тэкла Собаньская, рожденная графиня Ржевуская, родилась в 1794 году в семье знаменитом, принадлежавшем к знатнейшему польскому роду. Ее отец Адам—Лаврентий Ржевуский до Отечественной войны 1812 года был киевским губернским предводителем дворянства, позднее — тайным советником и сенатором; мать ее Юстина — из рода Рдултовских.

Юной девушкой Каролину выдали за пятидесятилетнего подольского помещика Гиеронима Собаньского, по некоторым сведениям, человека дурно воспитанного, нетрезвого, невежду и развратника.

От этого неудачного брака родилась дочь Констанция. Воспользовавшись временным нездоровьем, Каролина сумела получить от Подольской Римско-Католической Консистории в 1816 году разрешение, впредь до выздоровления, жить отдельно от мужа. В 1825 году, после смерти отца, она добилась развода.

Как писал ее современник Ф. Ф. Вигель, «высокое светское образование Каролина получила в Вене, у родственницы своей Розалии Ржевуской (...). Салон этой Розалии некогда слыл первым в Европе по уму, любезности и просвещению его посетителей. Нашей Каролине захотелось нечто подоб-

Предположительная зарисовка Пушкиным профиля Каролины Собаньской, относящаяся к октябрю 1823 года, в черновой тетради первой и второй главы «Евгения Онегина» [ИРЛИ. (ПД), № 834, л. 36 об. и 42 об.].

ное завести в Одессе, и ей несколько удалось». Вигель был «ослеплен ее привлекательностью». «Какая стройность, что за голос и что за манеры», — писал он.

В салоне своем «вообще из мужского общества собирала она все отборное». В числе прочих Собаньская принимала там Александра Пушкина и Александра Раевского.

Пушкин впервые познакомился с Каролиной в Киеве 21 января 1821 года ¹, куда ежегодно с 7-го января по 8-ое февраля, в сезон так называемых контрактов, съезжались почти все помещики юго-западного края со своими семьями. Эти деловые съезды Приднепровья сопровождались весельем, большой игрой, концертами и общественными балами в здании киевского контрактного дома на Подоле. Постоянно проживая в Одессе, Собаньская «на контракты» обычно приезжала к родителям в Киев, а в «купальный сезон» семья Ржевуских, как и многие семейства польской знати, предпочитала жить около моря ².

В Киеве Собаньская произвела на Пушкина «ошеломляющее» впечатление. Об этом можно судить по тому, что Пушкин, по некоторым сведениям, возвращаясь в Кишинев в конце февраля — начале марта 1821 года, заезжал в Одессу. Да и во время пребывания в Кишиневе его тянуло в Одессу. Ради второй поездки в этот город поэт пренебрег возможностью снова отправиться в Киев на свадьбу М. Ф. Орлова с Е. Н. Раевской, которая состоялась 15 мая 1821 года.

Первый биограф Пушкина П. В. Анненков отметил, что «недаром отправившись Пушкин у добродушного Инзова и в Одессу так часто, там у него были новые любовные связи» ³:

Однако Бессарабский наместник Инзов не всегда мог уступать просьбам поэта — на то были свои причины. За две недели до поездки Пушкина в Одессу генералу пришлось «при настоящих смутных обстоятельствах» срочно дать отчет графу Каподистриа о поведении ссыльного поэта. В ту пору из Европы шли тревожные для русского самодержавия вести. Что ни почта, то революция: Испанская, Португальская, Неаполитанская, Пьемонтская, Греческое восстание. Взволнованное правительство усилило надзор за политически опальными, и в этом же 1821 году в ноябре месяце последовал новый запрос министра двора П. М. Волконского, где Инзову опять вменялось в обязанность в отношении Пушкина — «иметь за поведением и деяниями его самый ближайший и строгий надзор» ⁴.

Спустя месяц, в декабре 1821 года, друг Пушкина И. П. Липранди должен был по делам службы посетить Измаил и Аккерман. «Пушкин изъявил желание, — пишет он, — мне сопутствовать, но по неизвестным причинам Инзов не отпускал его. Пушкин обратился к Орлову, и этот выпросил позволение» ⁵.

Но такое было в последний раз. В начале 1822 года арестовали ближайшего помощника М. Ф. Орлова — В. Ф. Раевского, отстранили от командования дивизией самого Орлова, и Инзов весь год не отпускал Пушкина из Кишинева. Есть предположения, что в конце 1822 года поэт побывал в Каменке вторично, но прямых подтверждающих это сведений нет, а косвенные весьма сомнительны.

Только в начале второй половины 1823 года желание Пушкина исполнилось. 25 августа он писал брату: «Здоровье мое давно требовало морских ванн, я насилу уломал Инзова, чтоб он отпустил меня в Одессу — я оста-

¹ В «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» М. А. Цявловский назвал предположительно дату приезда поэта в Киев с Давыдовыми — 30 января 1821 года, когда кончались «контракты», что не может соответствовать действительности.

² Дом Ржевуских в Одессе находился на углу Греческой и Ришельевской улиц (ныне улицы Карла Либкнехта и Ленина). У Ржевуских была и дача.

³ П. В. А н н е н к о в. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874, стр. 191.

⁴ Русская Старина, 1883, т. XL, стр. 654.

⁵ Пушкин в воспоминаниях современников, 1950, ГИХЛ, стр. 264.

вил мою Молдавию и явился в Европу — ресторация и италиянская опера напомнили мне старину и ей-богу обновили мне душу. Между тем приезжает Воронцов, принимает меня очень ласково, объявляют мне, что я перехожу под его начальство, что остаюсь в Одессе» (XIII, 66—67).

Мимолетное знакомство в Киеве с Каролиной Собаньской заронило чувство в сердце Пушкина, но вынужденная двухлетняя разлука мало способствовала его развитию. За этот период мы не знаем ни одной строчки лирического выражения этого чувства. Но оно вспыхнуло, лишь только поэт вновь встретился с Собаньской в Одессе.

Вторая половина 1823 года в творчестве Пушкина ознаменовалась циклом поэтических произведений, отражающих лирические переживания в их переходах от безнадежности к надежде и снова к безысходности, творений изумительных по силе выражения переполнявших автора чувств.

Этому циклу предшествовало эпистолярное признание, о котором говорилось выше. Глубина и сила чувства к Собаньской наиболее ярко выразилась в стихотворении, написанном в те дни, но не опубликованном при жизни поэта:

Как наше сердце своенравно!
...томимый вновь,
Я умолял тебя недавно
Обманывать мою любовь,
Участьем, нежностью притворной
Одушевлять свой дивный взгляд,
Играть душой моей покорной,
В нее вливать огонь и яд.
Ты согласилась, негой влажной
Наполнился твой томный взор;
Твой вид задумчивый и важный,
Твой сладострастный разговор
И то, что дозволяешь нежно,
И то, что запрещаешь мне,
Все впечатлелось неизбежно
В моей сердечной глубине.

Обольщение тонким и искусным кокетством было, очевидно, характерно для Собаньской, что внушало поэту иллюзии. Только этим можно объяснить создание стихотворного шедевра «Ночь»:

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.
Близь ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви; текут, полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются — и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя!..

Это стихотворение, непревзойденное по изяществу и возвышенности чувств, было написано Пушкиным в ожидании приезда Собаньской в Одессу, во время самого высокого взлета любви и надежды — 26 октября 1823 года.

В пушкинскую лирику второй половины 1823 года особняком входят два коротких произведения, исполненные философских, отчасти мистических раздумий. Последнее явно не гармонирует с пушкинским жизненным любием. Не объясняется ли появление этих произведений влиянием Собаньской, ее клерикально-религиозной экзальтации и мистицизма?

Придет ужасный [час]... твои небесны очи
Покроются, мой друг, туманом вечной ночи!..

Устрашение смертью во имя жизни мы встречаем и в письме Пушкина к Собаньской от 2-го февраля 1830 года: «Но вы увянете; эта красота когда-нибудь покатится вниз как лавина».

Если этот набросок оканчивался утверждением победы любви над смертью, то другое стихотворение заключалось раздумьями о ничтожности жизни.

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,
От тленья убежав, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны, —
Клянусь! давно бы я оставил этот мир:
Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
И улетел в страну свободы, наслаждений,
В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений,
Где мысль одна плывет в небесной чистоте...

Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
Мой ум упорствует, надежду презирает...
Ничтожество меня за гробом ожидает...
Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь!
Мне страшно!.. И на жизнь гляжу печален вновь,
И долго жить хочу, чтоб долго образ милый
Таился и пылал в душе моей унылой.

В черновых вариантах стихотворения звучал и политический оттенок: «В страну, где нет царей», «В страну, где нет оков»...

Это произведение напоминает XXIV элегию Андре Шенье, которым в те годы увлекался великий поэт. Элегия в период страсти к Каролине Собаньской могла показаться Пушкину наиболее созвучной его чувствам. Сохраняя ее ритм и размер, Пушкин мог подчинить стихотворение Шенье своим творческим целям¹ и воплотить их иными поэтическими средствами.

Тот же лейтмотив звучит и в строфе «Онегина», написанной 8 декабря 1823 года в Одессе:

Покамест, ушпивайтесь ею,
Сей легкой жизнью, друзья!
Ее ничтожность разумею,
И мало к ней привязан я;
Для призраков закрыл я вежды;
Но отдаленные надежды
Тревожат сердце иногда:
Без неприметного следа
Мне было б грустно мир оставить.
Живу, пишу не для похвал;
Но я бы кажется желал
Печальный жребий свой прославить,
Чтоб обо мне, как верный друг,
Напомнил хоть единый звук.

И чье-нибудь он сердце тронет...

Лишь «отдаленные надежды» остались на то, что когда-нибудь славой своей он «тронет» надменное сердце кокетливой, но неприступной красавицы. Эта тема выразилась тогда же и в начальном наброске стихотворения «Желание славы», которое могло быть обращено в ту пору только к Собаньской. Поэт не закончил его, и в Михайловском, в 1825 году, вернулся к нему вновь, чтобы отнести эти поэтические строки другому адресату.

Слава Пушкина не прошла незаметной для Каролины Собаньской, но это проявилось только в 1830 году, когда собирательница автографов великих людей вспомнила о нем. Однако и тогда имя первого поэта России задело только честолюбие Собаньской, но сердца ее не тронуло. Ей было так легко снова увлечь человека, у которого от прежней страсти осталась лишь «слабость выздоравливающего» — и судьба Пушкина сложилась бы иначе.

Неразделенной любовью была вызвана хандра и скука поэта в одесский период его жизни. В письмах того времени отразилось его смятое состояние: 19 августа 1823 года — П. А. Вяземскому: «Мне скучно, милый Асмодей, я болен, писать хочется — да сам не свой» (XIII, 66); 25 августа —

¹ В 1828 году элегию Андре Шенье перевел Е. А. Баратынский. Несмотря на поэтические достоинства его перевода, пушкинское перевоплощение идеи элегии ярче, лиричнее и богаче в своей самобытности. (Французские стихи в переводах русских поэтов XIX—XX вв. М., «Прогресс», 1974.)

брату: «У меня хандра — и это письмо не развеселило меня» (XIII, 68); 14 октября — П. А. Вяземскому: «У нас скучно и холодно» (XIII, 70); 16 ноября — А. А. Дельвигу: «Скучно, моя радость! вот припев моей жизни...» (XIII, 75); 1 декабря — А. И. Тургеневу: «Я стал скучен» (XIII, 78).

Каролина Собаньская плохо знала русский язык, но не заметить одаренности юного поэта было нельзя, даже при условии, что он «любя был глуп и нем». Отсутствие не только чувства, но даже участия к Пушкину следует объяснить не только заинтересованностью другим поклонником, но и наследственной надменностью, гордостью и властностью представительницы семьи старинных польских аристократов.

Это было характерно для дочерей графа Ржевуского, автора политических трактатов, друга энциклопедистов, который вел переписку с самим Вольтером. Ведь и сестра Каролины Собаньской — Эвелина Ганская сделала невыносимой жизнь Бальзака, который в минуту отчаяния писал ей: «Вы внушаете мне такое отвращение к жизни, что я тоскую по какой-нибудь катастрофе». Подобно Пушкину, Бальзак сравнивал чувства к нему Ганской с милостыней, которую бросают нищему.

Круг гениальных поклонников графинь Ржевуских был бы неполон, если не упомянуть о любви к Каролине Собаньской великого польского поэта. Адам Мицкевич приехал в Одессу всего лишь несколько месяцев спустя после отъезда из нее Пушкина. Он также оказался в плену чар своей соотечественницы. Жестокость Каролины — лейтмотив второго сонета Мицкевича, написанного в 1825 году в Одессе:

Я размышляю вслух, один бродя без цели,
С людьми — всегда молчу иль путаю слова.
Мне душно, стук в висках, кружится голова,
Все говорят кругом: здоров ли он, в уме ли?
В терзаниях часы дневные пролетели,
Нисходят сумерки, вступает ночь в права,
В постель кидаюсь я, душа полумертва,
Хочу забыться сном, но душно и в постели.
Срываюсь и бегу, мой гасв кипит сильней,
В уме слагаю речь, она звучит сурово,
Звучит проклятием жестокости твоей.
Но увидал тебя — и все забыто снова,
И я спокоен вновь, я камня холодней,
А завтра — вновь горю и тщетно жажду слова ¹.

Мицкевич воспел Собаньскую в целом ряде произведений, и по ним можно судить, насколько сложными были их отношения. Подобно Пушкину, великий польский поэт был вынужден заявлять свой лирический протест в любовных сонетах. В поздних воспоминаниях Собаньской, по записи Аэра (Жонкевского), Каролина пытается завуалировать свои отношения с Мицкевичем именем некой «Д. Д.», которое дал сам Мицкевич. Его XX сонет к Собаньской обращен к «Д. Д.»

Пренебрегаешь мной! Уже погас твой пыл?
Но он и не горел. Иль стала ты скромнее?
Другим ты увлеклась. Ждешь золота краснея?
Но прежде я тебе за ласки не платил.

Но не платя, я их не дешево купил:
Я жертвы приносил, что золота ценнее,
Платил покоем я, платил душой своею...
Зачем же ты ушла? Напрасно б я спросил.

Сегодня у тебя порок открыл я новый:
Ты жаждала похвал. Хвалить бы мог я дым!
Чужой судьбою ты играешь из-за слова.

Не купишь музы ты! Когда стихом своим
Хотел тебя венчать я, как венком лавровым,
То стих мой каменел, став нем и недвижим ².

¹ Сонет II в переводе В. Левпка.

² Сонет XX в переводе С. Свяцкого.

Так же, как и с Пушкиным, отношения Собаньской с Мицкевичем в Одессе закончились разрывом. В воспоминаниях Ю. Фальковского приведено высказанное их автору мнение Каролины о Мицкевиче: «Конечно, он великий поэт, но так плохо воспитан, так неотесан!»¹

Показывала ли Собаньская Мицкевичу пушкинские письма и стихи к ней — сказать трудно, но в его «Элегии к Д. Д.» много общего с элегией Пушкина «Простишь ли мне ревнивые мечты...»:

«Ты меня не знаешь, страсть затмила мне лицо. Но посмотри в глубину души! Там найдешь сокровищницу нежности, самопожертвования; кроткой доброты и воображения, которое озолотит земную юдоль». В порыве чувств польский поэт обращается к своей возлюбленной: «А если бы даже иногда разгневанная гордость приказала своему подданному исполнить прихоть господина: Смейся возлюбленная! Хотя моя гордость и запрещает признаваться в этом, я буду слугой...»²

Ни Мицкевич, ни Пушкин не имели поверенных своей любви к Собаньской (для последнего, возможно, было исключение в лице А. Н. Раевского). Ни в одном из пушкинских писем мы не найдем и намека на чувства к Каролине. Он намеренно скрывал и уничтожал следы своей страсти, поэтому биографам поэта так долго и не было известно о его увлечении. В южной черновой тетради 1823 года, откуда извлечен набросок письма «к неизвестной», было вырвано восемнадцать листов. По оставшимся на клочках словам текста можно судить, что это были любовные письма на французском языке. Несколько приоткрывает завесу отношений Собаньской и Пушкина черновое письмо поэта к А. Н. Раевскому:

«Отвечаю на вашу приписку, так как она более всего занимает ваше тщеславие. Г-жа Собаньская еще не вернулась в Одессу, следовательно я еще не мог пустить в ход ваше письмо; во-вторых, так как моя страсть в значительной мере ослабела, а тем временем я успел влюбиться в другую, я раздумал. И, подобно Ларе Ганскому, сидя у себя на диване, я решил более не вмешиваться в это дело. Т. е. я не стану показывать вашего послания г-же Собаньской, как сначала собирался это сделать, скрыв от нее только то, что придавало вам интерес Мельмотовского героя, — и вот как я намереваюсь поступить. Из вашего письма я прочту лишь выдержки с надлежащими пропусками; со своей стороны я приготовил обстоятельный, прекрасный ответ на него, где побиваю вас в такой же мере, в какой вы побили меня в своем письме; я начинаю в нем с того, что говорю: „Вы меня не проведете, милейший Иов Ловелас; я вижу ваше тщеславие и ваше слабое место под напускным цинизмом“ и т. д.; остальное — в том же роде. Не кажется ли вам, что это произведет впечатление? Но так как вы — мой неизменный учитель в делах нравственных, то я прошу у вас разрешения на всё это, и в особенности — ваших советов; но торопитесь, потому что скоро приедут. Я получил известие о вас; мне передавали, что Атала Ганская сделала из вас фата и человека скучного, — ваше последнее письмо совсем не скучно. Хотел бы, чтобы мое хоть на минуту развлекло вас в ваших горестях (...)» (XIII, 526).

Письмо датируется 15—22 октября 1823 года. Отсутствие Собаньской объясняется царским смотром 2-ой армии в Тульчине, куда съехалось к 17 октября все армейское начальство и где были парадные обеды и увеселения, привлечшие в Тульчин окрестных помещиков. Естественно, что Пушкин не мог появиться там, где он мог встретиться со своим главным антагонистом — императором Александром I.

Письмо поэта иронично и характеризует салонные отношения Раевского, Пушкина и Собаньской. Все здесь, как и в Арзамасском братстве, получили прозвища литературных героев: А. Н. Раевский — «Мельмот» Матюрена, он

¹ J. Falkowski. Wspomnienia z roku 1848; 1849, t. 2. Warszawa, 1908, str. 55.

² A. Mickiewicz. Dzieła. Wyd. narod., t. 1, s. 149—150.

же ричардсоновский соблазнитель «Ловелас»; сестра Собаньской — Эвелина Ганская своим религиозным благочестием напоминала «Аталу» Шатобриана; муж ее Вацлав Ганский за свою надменность получил прозвище «Лары» из одноименной поэмы Байрона. Да и сама Каролина Собаньская в ту пору, вероятно, уже имела прозвище «Элленоры» из романа Бенжамена Констана «Адольф».

Отношение Собаньской к своим поклонникам, Пушкину и Раевскому, известно нам из письма поэта к ней от 2-го февраля 1830 года: Пушкин для нее «неловок», а его «повелитель Сатана» Раевский — «полон самомнений». Письмо Пушкина к Раевскому написано незадолго до создания элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...». Уже в это время поэт угадывает перспективность своего чувства к Собаньской, и если его «страсть в значительной мере ослабела», то вовсе не потому, что он «успел влюбиться в другую». Эти слова — только для Раевского, к которому, вероятно, не без влияния Собаньской, Пушкин в это время относится уже иронически. Зная, каким недугом тот страдает, поэт называет его «неизменным учителем в делах нравственных», хотя и искренно желает утешить его в «горестях».

Но напрасны были усилия Пушкина и его друзей покорить сердце Собаньской. Не они интересовали ее. Не для них жила она в Одессе. Не А. Н. Раевского называл Пушкин в элегии «соперник вечный мой». Так же, как и в романе Бенжамена Констана «Адольф», у одесской «Элленоры» был свой граф, которого страстно любила Каролина Собаньская и ради которого она бросила мужа. Приятель Пушкина, одесский поэт Туманский, с полным основанием именовал ее «Виттовой любовницей».

4

Граф Иван (Ян) Осипович Витт по характеристике современников был воистину двуликий Янус — авантюрист, организатор полицейского сыска, провокатор и предатель декабристов, красавец и дон-жуан, интриган и казнокрад.

Но этот человек интересует нас не как счастливый соперник Пушкина и Мицкевича, на которого первый из них намекал в элегии «Простишь ли мне ревнивые мечты...». Гораздо важнее уяснить характер влияния, которое оказывала Собаньская на высокопоставленного любовника в своей ориентации на восстановление независимой Польши, культ которой для Каролины был превыше всего.

Эта тема мало изучена, и интерпретация неизменно носила односторонний характер: начальник южных военных поселений генерал-лейтенант Витт был царским шпионом, а Собаньская — его пособницей.

Однако Пушкин смотрел на деятельность Собаньской иначе, и если его обращенные к ней слова: «...ваше собственное существование, столь потрясенное страстями, столь далекое от вашего предназначения» или «такое жестокое, такое отличное от того, каким оно должно было быть», не совсем разъясняют нам, о каких «страстях» идет здесь речь, то в стихотворном послании «Что в имени тебе моем?» эти «страсти» обозначены довольно прозрачно:

Что в нем? Забытое давно
В волненьях новых и мятежных...

Есть много свидетельств, в том числе и исходящих от Николая I, которые говорят о том, что скорее Витт был клеветником Собаньской, чем наоборот. Однако со страстью к ослепительной красавице Каролине в Яне Витте уживалось неугасимое пристрастие к авантюризму и интригам.

И. О. Витт родился в 1781 году, в семье коменданта крепости Каменец-Подольск, поляка Иосифа Витта. Матерью его была знаменитая своей красотой гречанка-фанариотка Софья Клавона. По одной из версий, она была

куплена у своей матери за тысячу пятьсот шастров и увезена в Польшу, где майор Витт тайно обвенчался с нею.

Муж увез ее во Францию и по возвращении в Польшу за генеральский чин и графский титул Российской империи отдал свою жену в наложницы фельдмаршалу Потемкину. Всесильный фаворит Екатерины II князь Г. А. Потемкин-Таврический ничего не жалел для Софьи Витт: он подарил ей греческое селение в Крыму Массандру и свыше восьмисот десятин земли с лесами, виноградниками и роскошным субтропическим парком.

Красоту Софьи Витт Потемкин использовал и для своих тайных политических целей, направив ее в 1788 году в Варшаву на сейм, для пристрастия на сторону русского правительства «одного из крупнейших деятелей Речи Посполитой — магната и коронного гетмана Станислава-Феликса Потоцкого-Щенского»¹. Владелец городов Тульчина, Браилова, Могилева на Днестре, а также огромных земель и имений, граф Потоцкий-Щенский, после смерти Потемкина в 1791 году, выторговал у Иосифа Витта его жену за два миллиона злотых, взяв на воспитание и его сына. Но жениться он смог только после смерти своей жены в 1798 году. Однако еще до свадьбы Софья Витт попала в объятия своего будущего пасынка Юрия Потоцкого, внеся в семью драму, которая и свела в могилу Потоцкого-старшего. Вскоре скончался и Юрий Потоцкий. Софья Витт-Потоцкая сделалась обладательницей несметных богатств.

Ее сын Ян Витт числился на русской службе и в десять лет имел уже чин корнета, а в двадцать — полковника Кавалергардского полка. В 1805 году молодой граф Витт командует Лейб-гвардии Кирасирским полком и принимает участие в войне с Наполеоном. Если Пушкин писал про Александра I, что «под Австерлицом он бежал», так сказать, фигурально, то к Витту эти слова можно применить буквально. Граф Ланжерон был свидетелем тому, как Витт со своим полком в самый ответственный момент поспешно удалился с поля боя².

В 1807 году графу Витту пришлось уйти в отставку, видимо, из-за служебных столкновений с генерал-майором графом Витгенштейном и генерал-лейтенантом князем Багратионом. Последний характеризовал Витта как «лжеца» и «двуличку». Александр I дал предписание Подольскому губернатору учредить надзор за Виттом и в случае затеянной им дуэли арестовать его. Тогда Витт без паспорта бежал в Вену и там поселился.

Во время войны Франции с Австрией весной 1809 года Витт поступил волонтером в армию Наполеона и участвовал в нескольких сражениях, в том числе и при Ваграме, против страны, предоставившей ему убежище после бегства из России. В 1811 году он подвизался в роли тайного агента Наполеона в Герцогстве Варшавском, а с июня 1812 года снова очутился на русской службе, где выполнял поручение срочно сформировать четыре казачьих полка в Киевской и Подольской губерниях. В Отечественной войне 1812 года он участвовал в чине генерал-майора, «заслужив» благоволение и ряд орденов. В 1817 году по личному поручению Александра I граф Витт формирует Бугскую уланскую дивизию для военных поселений Херсонской губернии, при этом дело не обошлось без восстания и жестокого усмирения. В 1820 году, после вторичного смотра Александром I военных поселений, Витту была объявлена высочайшая благодарность и пожалован орден Александра Невского.

Это было уже то время, когда Пушкина выслали из Петербурга на юг, где он и познакомился с Виттом, вероятно, в салоне Собаньской. Витт имел предлог пребывать в Одессе постоянно или наездами, так как 15 апреля 1823 года ему было поручено управление Одесским рিশельевским лицеем, а также переданы обязанности председателя его правления, до того исполнявшиеся одесским градоначальником.

¹ Пушкин. Исследования и материалы. III, М. — Л., изд-го АН СССР, 1960, стр. 58.

² Сборник биографий кавалергардов, 1762—1801, СПб., т. II, 1904, стр. 449.

куплена у своей матери за тысячу пятьсот пиастров и увезена в Польшу, где майор Витт тайно обвенчался с нею.

Муж увез ее во Францию и по возвращении в Польшу за генеральский чин и графский титул Российской империи отдал свою жену в наложницы фельдмаршалу Потемкину. Всесильный фаворит Екатерины II князь Г. А. Потемкин-Таврический ничего не жалел для Софьи Витт: он подарил ей греческое селение в Крыму Массандру и свыше восьмисот десятин земли с лесами, виноградниками и роскошным субтропическим парком.

Красоту Софьи Витт Потемкин использовал и для своих тайных политических целей, направив ее в 1788 году в Варшаву на сейм, для привлечения на сторону русского правительства «одного из крупнейших деятелей Речи Посполитой — магната и коронного гетмана Станислава-Феликса Потоцкого-Щенского»¹. Владелец городов Тульчина, Браилова, Могилева на Днестре, а также огромных земель и имений, граф Потоцкий-Щенский, после смерти Потемкина в 1791 году, выторговал у Иосифа Витта его жену за два миллиона злотых, взяв на воспитание и его сына. Но жениться он смог только после смерти своей жены в 1798 году. Однако еще до свадьбы Софья Витт попала в объятия своего будущего пасынка Юрия Потоцкого, внеся в семью драму, которая и свела в могилу Потоцкого-старшего. Вскоре скончался и Юрий Потоцкий. Софья Витт-Потоцкая сделалась обладательницей несметных богатств.

Ее сын Ян Витт числился на русской службе и в десять лет имел уже чин корнета, а в двадцать — полковника Кавалергардского полка. В 1805 году молодой граф Витт командует Лейб-гвардии Кирасирским полком и принимает участие в войне с Наполеоном. Если Пушкин писал про Александра I, что «под Австерлицом он бежал», так сказать, фигурально, то к Витту эти слова можно применить буквально. Граф Ланжерон был свидетелем тому, как Витт со своим полком в самый ответственный момент поспешно удалился с поля боя².

В 1807 году графу Витту пришлось уйти в отставку, видимо, из-за служебных столкновений с генерал-майором графом Витгенштейном и генерал-лейтенантом князем Багратионом. Последний характеризовал Витта как «лжеца» и «двуличку». Александр I дал предписание Подольскому губернатору учредить надзор за Виттом и в случае затеянной им дуэли арестовать его. Тогда Витт без паспорта бежал в Вену и там поселился.

Во время войны Франции с Австрией весной 1809 года Витт поступил волонтером в армию Наполеона и участвовал в нескольких сражениях, в том числе и при Ваграме, против страны, предоставившей ему убежище после бегства из России. В 1811 году он подвизался в роли тайного агента Наполеона в Герцогстве Варшавском, а с июня 1812 года снова очутился на русской службе, где выполнял поручение срочно сформировать четыре казачьих полка в Киевской и Подольской губерниях. В Отечественной войне 1812 года он участвовал в чине генерал-майора, «заслужив» благоволение и ряд орденов. В 1817 году по личному поручению Александра I граф Витт формирует Бугскую уланскую дивизию для военных поселений Херсонской губернии, при этом дело не обошлось без восстания и жестокого усмирения. В 1820 году, после вторичного смотра Александром I военных поселений, Витту была объявлена высочайшая благодарность и пожалован орден Александра Невского.

Это было уже то время, когда Пушкина выслали из Петербурга на юг, где он и познакомился с Виттом, вероятно, в салоне Собаньской. Витт имел предлог пребывать в Одессе постоянно или наездами, так как 15 апреля 1823 года ему было поручено управление Одесским рипельевским лицеем, а также переданы обязанности председателя его правления, до того исполнявшиеся одесским градоначальником.

¹ Пушкин В. Исследования и материалы. III, М. — Л., изд-го АН СССР, 1960, стр. 58.

² Сборник биографий кавалергардов, 1762—1801, СПб., т. II, 1904, стр. 449.

Но граф мечтал о большем. Он интриговал против Ланжерона, добиваясь возможности быть его преемником на посту Новороссийского генерал-губернатора, однако, безуспешно. Александр I назначил на это место 7-го мая 1823 года графа М. С. Воронцова.

Впрочем, «успехи в начальном устройстве военного поселения», когда дивизии Витта отличились на высочайшем смотре 2-ой армии в Тульчине (17 октября 1823 года), были отмечены императором: граф был назначен командующим 3 резервным кавалерийским корпусом и награжден орденом святого Владимира 1-ой степени¹. Такое возвышение придало Витту большой вес в делах управления Новороссийским краем.

По-разному оценивали деятельность Витта его современники.

Начальник Главного штаба генерал-адъютант барон И. И. Дибич благоволил к Витту и восхищался им:

«Его всегда деятельная голова старается вникать беспрестанно в политику европейских держав, в управление государств и в причины волнения народов. Суждения его по этим предметам иногда весьма многосложны и отвлечены, но весьма предусмотрительны и справедливы; хорошая память служит ему средством узнавать семейные обстоятельства, связи и разрывы первейших русских фамилий и государственных особ. Так как он знаком с литературою трех первых языков в Европе и пользуется большою начитанностью, то беседа с ним бывает всегда чрезвычайно занимательна»². А сенатор Брадке, который долго служил при Аракчееве по ведомству военных поселений, отмечал «ничтожность характера» Витта, в правилах которого было: «...ни в чем не отказывать и никогда не сдерживать обещанного, обо всем умствовать и ничего не обследовать, <...> всем говорить любезности и тотчас забывать, о сказанном»³.

Ходили слухи, что Витт ухаживал за женой цесаревича, великого князя Константина Павловича, княгиней Лович, и за подобное умение «узнавать семейные обстоятельства государственных особ» брат царя не поспешил на «любезную» оценку графа в письме к Дибичу:

«Граф Витт есть такого рода человек, который не только чего другого, но недостоин даже, чтобы быть терпиму в службе, и мое мнение есть, что за ним надобно иметь весьма большое и крепкое наблюдение <...> Граф Витт такой негодяй, каких свет еще не производил: религия, закон, честность для него не существует. Словом, это человек, как выражаются французы, достойный виселицы»⁴.

«Граф Витт — низкий интриган», — заключал отец декабриста Пестеля, когда его сын собирался свататься к дочери Витта⁵.

По характеристике Адама Мицкевича, этот «сын польского генерала и гречанки, сам точно не знал, к какой национальности принадлежит и какую религию исповедует»⁶.

Витт, делец, перебежчик, авантюрист, дипломатический интриган, однако отличался тонкостью ума и проницательностью. Внешне тактичный и веселый, он умел лавировать среди сильных мира сего и извлекать пользу из малейшей необдуманности своих высоких покровителей. Полицейская хитрость и провокаторская ловкость помогали ему быть в курсе всех событий — и далеко не ради защиты интересов русской монархии.

Центром южных военных поселений был тогда Елизаветград, но Витт не любил жить в этом степном городе и предпочитал проводить время в Одессе, где у него был роскошный особняк на приморской возвышенности над купе-

¹ Сборник биографий кавалергардов, стр. 450.

² Русская Старина, 1891, т. 69, стр. 534.

³ Сборник биографий кавалергардов, стр. 459.

⁴ Н. К. Ш и л ь д е р. Император Николай Первый, т. I, СПб., 1903, стр. 362; Сборник биографий кавалергардов, стр. 459.

⁵ М. В. Н е ч к и н а. Движение декабристов, т. I, изд-во АН СССР, М., 1955, стр. 465.

⁶ А. Mickiewicz, Dzieła, t. X, str. 339.

ческой гаванью. Здесь, в Одессе, в 1819 году он сошелся с Каролиной Собаньской и жил с ней открыто, устраивая для нее роскошные балы и маскарады.

Ф. Ф. Вигель писал о них в своих воспоминаниях: «Причиною особого ко мне благоволения Витта была незаконная связь его с одною женщиною и ею мне оказываемая приязнь. Каролина Адамовна Собаньская, урожденная графиня Ржевуская, разводная жена, составила с ним узы (...) Как бы гордясь своими слабостями, чета сия выставляла их на показ целому миру (...)

Витт был богат, расточителен и располагал огромными казенными суммами, — писал далее Ф. Ф. Вигель. — Собаньская никакой почти собственности не имела, а наряжалась едва ли не лучше всех и жила чрезвычайно роскошно — следственно не гнушалась названием наемной наложницы, которое иные ей давали (...). Две или три порядочные женщины ездили к ней и принимали у себя, не включая в то число графиню Воронцову, которая приглашала ее на свои вечера и балы единственно для того, чтобы не допустить явной ссоры между мужем и Виттом; Ольга же Нарышкина-Потоцкая, хотя по матери и родная сестра Витту, не хотела иметь с ней знакомства, все прочие также чуждались ее. В этом унижительном положении какую твердость умела она показывать и как высоко подыматься даже над преследующими ее женщинами! Мне случалось видеть в гостинях, как, не обращая внимания на строгие взгляды и глухо шумящий женский ропот негодования, с поднятой головой она бодро шла мимо всех прямо не к последнему месту, на которое садилась, ну право, как бы королева на трон. Много в этом случае помогали ей необыкновенная смелость (ныне ее назвал бы я наглостию) и высокое светское образование (...)

Из Вознесенска, из военных поселений приезжали к ней на поклонение жены генералов и полковников; мужья же их были перед ней на коленях»¹.

5

По воспоминаниям современников и работам исследователей Каролина Собаньская известна лишь как верная и ловкая помощница в темной провокаторской деятельности графа Витта. Вигель писал, что «почувствовал неодолимое от нее отвращение», когда узнал впоследствии, «что Витт употреблял ее и серьезным образом, что она служила секретарем ему в речах столь умному, но безграмотному человеку и писала тайные его доносы, что потом из барышей поступила она в число жандармских агентов (...) О недоказанных преступлениях, в которых ее подозревали, не буду и говорить. Сколько мерзостей скрывалось под щеголеватыми ее формами!»².

В своей статье в книге «Рукою Пушкина» Т. Г. Цявловская нашла эти обвинения «безупречно верными», ссылаясь на письмо наместника царства польского Паскевича к Николаю I, который уверял царя, что «преданность ее законному правительству не подлежит сомнению; она дала в сем отношении много залогов». Вторым доказательством Цявловская считает письмо Собаньской к Бенкендорфу в том же 1832 году, в котором, после открытия правительством ее патриотической деятельности и высылки из Варшавы, спасая положение, она пыталась убедить шефа жандармов, что по заданию Витта занималась агентурной деятельностью в пользу России.

Хотя эти «безусловные подтверждения» и опровергаются тут же приведенными Цявловской письмами Николая I Паскевичу и донесением управляющего III Отделением А. Н. Мордвинова, о которых речь будет идти ниже, исследовательница не учла, что все это являлось не чем иным, как блефом в игре Собаньской и Витта с Николаем I и Паскевичем. Она уве-

¹ Ф. Ф. Вигель. Записки, часть VII, М., 1892, стр. 184, 185.

² Там же, стр. 186.

рила себя в том, что «агентурная работа Собаньской велась настолько умело и тонко, что испытанные правительственные чиновники и сам Николай I подозревали ее в политической неблагонадежности». По этому пути пошли и другие исследователи, хотя нигде и никаких документов, подтверждающих «агентурную работу Собаньской», кроме утверждений Вигеля, приведено не было.

Здесь очень существенно разобраться, что было первичным и что вторичным — записки Вигеля, писавшиеся много лет спустя после «подтверждения» в письме Собаньской Бенкендорфу, или, наоборот, письмо, о котором Вигель мог узнать впоследствии и на основании его сделать свои выводы.

Необходимо помнить, что Вигель не раз был уличен современниками в утрировании своих портретных зарисовок и даже фальсификации. К. Я. Булгаков писал о Вигеле, что он «нигде не может ужиться. У Воронцова он несколько раз менял места, в Кишиневе со всеми перессорился, бывши вице-губернатором ...»¹. В его записках П. А. Плетнев нашел «пренаблюдательный ум, только желчный и односторонний»².

П. А. Вяземский считал, что Вигель «был злопамятен в безделицах и за безделицы. Он не прощал, если (...) посадят его за столом не на место, которое он считал подобающим чину его... В течение жизни он неоднократно ссорился не только с отдельными лицами, но с целыми семействами (...) Все это отражается в Записках его и лишает их того здравого и внушающего доверенность характера, который составляет прямое и главное достоинство исторических и личных Записок»³.

О том же говорили И. П. Липранди, Н. А. Муханов и другие, близко знавшие его. Немудрено, что «приянь» к Вигелю Собаньской, о которой он пишет в начале воспоминаний о ней, под влиянием какой-то «безделицы» обернулась «неприянью» к ней Вигеля.

Все эти соображения не всегда учитывались Т. Г. Цявловской, а вслед за нею и другими учеными. Даже С. С. Ланда, автор выдающегося исследования из истории русско-польских общественных и литературных связей — «Мицкевич накануне восстания декабристов», труда замечательного по богатству собранных материалов, — все же недостаточно точен в выгодах о Каролине Собаньской.

Ланда приводит много свидетельств ее патриотических устремлений и в то же время считает, что это ей было необходимо для облегчения агентурной работы, а ее блестящий салон служил «улавливанию» слишком либеральных душ. Психологически такое заключение находится в резком противоречии с блестящим светским воспитанцем и образованием Каролины Собаньской.

Для доказательства своего мнения С. С. Ланда не только приводит в пример письмо Собаньской Бенкендорфу, написанное в конце 1832 года, но и ссылается на такие сведения: «По свидетельству Н. Г. Чулкова, любезно нам сообщенного Т. Г. Зенгер, в архиве Литературного музея в Москве хранились агентурные записки Собаньской, использованные Виттом в его допоре на декабристов. Приведенные факты делают вполне обоснованными наблюдения Ф. Ф. Вигеля»⁴.

Однако эти сведения, как мы полагаем, не дают оснований для столь решительных выводов.

Более откровенного в своих либеральных чаяниях посетителя салона Собаньской, чем видный деятель польских тайных обществ граф Густав Олизар, надо полагать, не было, если не считать Пушкина. Но никаких донесений о них, которые можно было бы связать с именем Каролины Собаньской, мы не знаем. Густав Олизар был арестован в январе 1826 года

¹ Русский Архив, 1903, кн. III, стр. 128.

² Там же, 1870, стб. 1285.

³ Там же, 1866, стб. 219—220.

⁴ С. С. Ланда. Мицкевич накануне восстания декабристов. «Литература славянских народов», вып. 4, М., изд-во АН СССР, 1959, стр. 145.

Зарисовки Пушкиным этих портретов находятся в черновике рукописи VIII и IX строф второй главы «Евгения Онегина», писавшихся не ранее 22 октября и не позднее 3 ноября 1823 года.

До сего времени не расшифровано, кто эти лица, но несомненно, что это — не случайные зарисовки, ибо Пушкин озаглавил их большими буквами: Q. S. F. O. V.

Верхний ряд еще требует расшифровки. Нижний ряд может быть предположительно опознан. Левый портрет, видимо, изображает Густава Олизара, что соответствует заглавной букве. Его можно сопоставить с зарисовкой Олизара Н. Н. Раевским-младшим в альбоме своей сестры Е. Н. Раевской-Орловой в 1821 году. (Литературное наследство, т. 31/32, М., 1937, стр. 263). Средний портрет зачеркнут и заглавной буквы не имеет, но это — портрет самого Пушкина, его легко сравнить с автопортретом без бакенбард и с опускающимся на плечо локоном волос.

Последний портрет также соответствует заглавной букве, он наиболее проработан в деталях и легко сопоставляется с портретом генерал-лейтенанта графа Витта 1-го, выполненного в 1826 году художником Доу, для военной галереи Зимнего дворца. Характерная черта — выбритое пятно середины усов на обоих изображениях.

Эти зарисовки могут быть отнесены к посетителям салона Каролины Собаньской в Одессе в 1823—1824 годах.

не по доносу Витта, а в связи с упоминанием о нем на допросах Пестеля и С. Волконского. После допроса он был освобожден.

Что же касается Пушкина, то правда, у него в черновом варианте элегии «Простишь ли мне ребнивые мечты...» есть стихи, непосредственно относящиеся к Витту:

А между тем соперник мой надменный
Всегда везде преследует меня —
Он вечно тут колена преклоня,
Предательски тобою ободренный.

Но воспринимать их в полицейском значении отнюдь не обязательно, тем более, что есть и другой вариант:

А между тем соперник мой надменный
Всегда везде преследует тебя.

(II₂, 817).

Несомненно лишь то, что Витт надменно относился к влюбленному юноше-поэту, и они вместе с Собаньской смеялись над его чувствами. Это не могло оставить равнодушным Пушкина и послужило одним из стимулов создания элегии, косвенно задевшей графа. Как мы увидим, тот не остался в долгу.

Витт презрительно относился и к другим посетителям салона Собаньской. В воспоминаниях о Мицкевиче Леонарда Реттеля имеется упоминание о Мещерском, с которым Мицкевич «познакомился еще в Одессе, при генерале Витте. Адам видел, что последний третирует Мещерского, даже презирает его»¹.

Хозяйка салона сама была на подозрении у властей. Полковник Родзянко писал в своем донесении: «Сказывают, что в Одессе проживает г-жа Собаньская, урожденная Ржевувцкая, близкая знакомая графа Витта. Дама сия живет довольно открыто, на даче ее, говорят, съезжается большое количество поляков, в том числе брат ее Генрик Ржевувцкий, и тут бывают различные суждения и довольно, говорят, вольные»².

Русское правительство подозревало Собаньскую не без основания. Каролина в душе во многом походила на своего брата, упомянутого в донесении Родзянко, Генриха Ржевуского. П. А. Вяземский писал о нем: это «был сам кровный и *циррый* Поляк. Он принадлежал старой *ойчизне* душою, преданиями и убеждениями, пожалуй, и предубеждениями, ложно-историческими и клерикально-религиозными. Но все же эти убеждения, смешанные с предубеждениями, входили в плоть и кровь его»³.

Эта характеристика как нельзя лучше подходит и к Каролине Собаньской. Ее не лишены авантюризма честолюбивые намерения сводились в двадцатые годы к далеко идущим целям освобождения «ойчизны».

Все это хорошо понимал Пушкин, когда в самом начале 1830 года писал в посвященном ей мадригале о «волненьях новых и мятежных». Не вина Собаньской, что Витт после польского восстания 1830 года предал ее, изменил и ее чувствам и ее чаяниям.

Собаньская энергично создавала польский альянс не только в среде магнатства, но и в кругу разночинно-шляхетской интеллигенции, в надежде приближения урочного часа, когда «Польша восстанет и сплотится на старый лад». В этом национальном пристрастии она использовала все свое влияние на графа Витта.

Это влияние отразилось в тяготении Витта к польским кругам. Он мало жил в своей семье в Елизаветграде, а «проводил время или в имениях польских магнатов в Киевской и Подольской губерниях или же в Одессе»⁴. Покровительство полякам Витт оказывал и в Одесском рিশельевском лицее. По словам профессора Н. Н. Мурзакевича, при Витте «штат казеннокоштных

¹ Звенья. III—IV. М. — Л., АCADEMIA, 1934, стр. 212.

² С. С. Ланда. Мицкевич накануне восстания декабристов, стр. 179, 180.

³ П. А. Вяземский. ПСС, т. VIII, СПб., 1893, стр. 262.

⁴ Сборник биографий кавалергардов, стр. 457.

воспитанников ... наполнялся детьми шляхты, бывшей управителями имений, ему родственных польских панов»¹.

Неоднократно писали о том, что Витт шпионил за Адамом Мицкевичем и Осипом Ежовским, членами тайного польского общества филоматов, посланными в Одессу по распоряжению министра просвещения. Однако факты говорят, что Витт принял их любезно и содействовал их устройству в Ришельевский лицей, хотя в тот момент вакансий в нем не было. Перед ними раскрыла двери своего салона Собаньская, она и взяла на себя заботу о поэте-изгнаннике, о чем сама вспоминала в своих поздних рассказах, записанных Жонжевским.

С. С. Ланда так и не ответил на свой вопрос, почему Витт так «лояльно» отнесся к польскому поэту и его товарищам. Не только Мицкевич был приглашен на поездку в Крым. Коллега польского поэта по университету Кароль Качковский отметил в своем дневнике разговор с Виттом: «...я был у него, и тот со всей любезностью предложил мне присоединиться к его компании»².

С. С. Ланда пришел к заключению, что «Крымское путешествие находится в цепи политических происков Витта и его осведомителей, внимание которых в это время сосредоточивается на Мицкевиче»³. Но нет прямых доказательств слежки за Мицкевичем со стороны осведомителя Витта А. К. Бошняка, хотя тот и принимал участие в поездке. Сам Витт в одном из разговоров дал понять Мицкевичу, что Бошняк не только ботаник и этномолог, но что «он нам помогает в ловле мошек всякого рода». Этот факт, записанный впоследствии дочерью Мицкевича со слов отца, С. С. Ланда считает анекдотом. Не потому ли, что он находится в полном противоречии с его концепцией?

Когда царь запретил Мицкевичу и Ежовскому жить в Одессе, Витт нашел для них возможность устроиться на службу не где-нибудь, а в Москве, несмотря на обилие полицейских донесений о Ежовском, в которых упоминался и Мицкевич. Именно во время увеселительной прогулки в Крым граф написал свою известную просьбу об аудиенции от 13 августа 1825 года, чтобы доложить о раскрытии им Тайного общества, начав ее дезинформацией об установленной им якобы слежке за «виленскими профессорами», которая и привела к более важному для интересов его императорского величества «открытию». Что же касается самих «виленских профессоров», то есть Мицкевича и Ежовского, то «поведение их оказалось вполне безупречным».

Забегая вперед, отметим, что на аудиенции у царя не было названо ни одного польского имени. Между тем уже в 1824 году Витту было известно не только о южном тайном обществе в России, но и о тайном польском Патриотическом обществе, в последнее он сделал даже попытку вступить.

Приехавший в 1824 году в Одессу М. Д. Бутурлин познакомился на балу у Витта с Собаньской и среди «польского общества, собиравшегося часто» у нее отметил польских патриотов — Залеского, графа Олизара, Грушецкого и многих других⁴. Через Грушецкого Витт и сделал попытку связаться с руководящими кругами тайного общества в Варшаве, куда тот ездил в конце 1824 года и где предлагал одному из руководителей польского патриотического движения Кшижановскому завербовать генерала Витта, которого он представил как неукротимого либерала, весьма полезного для общества.

Еще до встречи в Варшаве, осенью 1824 года Грушецкий, «заслуженный полковник» Блендовский, будущий участник польского восстания 1830 года, и Леон Сапега сопровождали Витта в инспекционной поездке по южным военным поселениям. Там Витт и сделал свои «откровения» Леону Сапеге. «Я путешествовал с ним, — пишет Л. Сапега, — в течение двух недель в одном

¹ «Литературное наследство», т. 60, ч. I, М., 1956, стр. 469.

² С. С. Ланда. Мицкевич накануне восстания декабристов, стр. 131.

³ Там же, стр. 142.

⁴ Русский Архив, 1897, книга 2, стр. 273.

экипаже и ночевал в одной комнате. Между нами завязалась определенная близость. Он говорил мне однажды о существовании в Польше и России тайных обществ, о предстоящей в России революции, которая могла бы помочь полякам вернуть независимость (Польше). Он говорил далее: „Я очень многим обязан императору Александру, чтобы изменить ему, но я твердо решил сразу же после известий о его смерти двинуться с моим корпусом на Киев и овладеть тамошним арсеналом”¹.

Сапега считал, однако, что эти «откровения» были провокационными, дабы выдвинуть его принадлежность к тайному обществу. Но эти соображения, по словам Л. Сапеги, пришли ему в голову лишь впоследствии, под влиянием событий: А в то время, несомненно, Витт сам испытывал колебания.

Своей осведомленностью Витт был обязан «разоблачению одной женщины», как признавался он впоследствии своему родственнику К. Браницкому². Здесь и следует задать вопрос: вела ли Каролина Собаньская агентурную работу для Витта или в своем патриотическом устремлении оказывала на него сильное влияние, считала преданным польскому делу и поэтому не скрывала от него связей с Варшавской директорией через видного деятеля Патриотического общества, князя Антония Яблоновского?

То, что говорил Витт Сапеге, почти слово в слово сообщил Яблоновский Пестелю на переговорах представителей польского Патриотического общества с «южанами» на «контрактах» в Киеве 1825 года. Эти переговоры были известны и Витту, понимавшему, что «замышляемая в России революция, есть без сомнения самый лучший [случай] для возвращения Польше ее первоначальной независимости»³.

Позиция Собаньской совпадала с планами аристократических и консервативных элементов польской национальной организации. Им нужна была Польша без социальных преобразований. Это устраивало бы и графа Витта, но у него были колебания другого свойства. С одной стороны, сословные землевладельческие интересы заставляли его ориентироваться на сближение с петербургским самодержавием из опасения потерять свои многочисленные поместья и крепостных; с другой, авантюрная натура толкала его на политику балансирования из-за боязни оказаться ни при чем в случае победы декабристов. Разумеется, у Витта не было ни малейшего сочувствия декабристским идеалам. Он пренебрежительно относился ко всему, что не касалось его личных интересов, и всегда, со всеми вел двойную игру.

Декабрист Д. И. Завалишин отмечал в своих записках, что «граф Витт играл до конца очень двусмысленную роль. Он приехал в Таганрог, кажется, с целью выведать сначала, известно ли уже что-нибудь государю, и только тогда показал имевшийся у него список некоторых членов, как сам государь сказал ему об открытии по доносу Майбороды сильного тайного общества»⁴.

«Поводом к его действиям, — читаем мы в записках С. Г. Волконского — была не преданность, а средство выпутаться этой услугой из затруднительной ответственности по растрате значительных сумм по южному военному поселению, состоявшему в его заведении»⁵.

Уже после смерти Витта, в лекциях о славянских литературах в 1842 году в Сорбонне, Адам Мицкевич приоткрыл тайные помыслы Витта: «Доносчик был иностранец по имени Шервуд (...), который сообщил о всем Витту (...), который и до донесения Шервуда имел сведения о заговоре, предоставленные одним агентом, имя которого не называют ни один официальный документ, ни материалы следствия. Этот предатель, наиболее ловкий шпион из всех героев этого рода, даже шпиона романа Купера, назывался Бошняк (...) Выдавая себя за писателя и под видом натуралиста, он сопровождал всюду ге-

¹ L. Sapieha. Wspomnienia (1803—1875). Lwów — Warszawa — Poznań, 1912, s. 42, 43; С. С. Ланда. Мицкевич накануне восстания декабристов, стр. 179.

² С. С. Ланда, стр. 145.

³ Там же, стр. 155.

⁴ Записки декабриста Д. И. Завалишина, т. 1, 1904, стр. 379.

⁵ С. Г. Волконский, Записки, СПб, 1901, стр. 431.

нерала Витта. Он обладал хорошими манерами, владел иностранными языками (...). Осведомленный им ген(ерал) Витт не спешил, однако, уведомить правительство. С одной стороны, он ненавидел Аракчеева... с другой стороны, он хотел раньше подробнее узнать, каковы были планы и средства заговорщиков, чтобы решить, быть ли с ними или быть против них, но донесение Шервуда заставило его послать рапорт в Петербург¹.

Столь точные сведения Мицкевич мог получить от лица, состоявшего в полном доверии у Витта, а таким лицом могла быть только Собаньская; впоследствии встречавшаяся с Мицкевичем в Париже.

Когда репутация сомнительного дельца и предателя помешала Витту вступить в польское Патриотическое общество, он начал искать пути проникновения в Южное общество декабристов, но во время встречи на киевских «контрактах» в 1825 году А. Яблоновский предупредил С. Волконского о переговорах Грушецкого в Варшаве: «Один новопринятый член Польских Варшавских обществ, полагая возможным завлечь графа Витта в польские сообщества и желая оказать свое усердие, сделал о сем предложение, которое было сообщено варшавской директории, — но что на сие было сделано оной строгое запрещение и поставлено в обязанность не входить в такого рода переговоры»².

Вот тогда, спустя месяца два, в апреле 1825 года, и начал действовать с благословения графа Витта Александр Карлович Бошняк, так хорошо знакомый Мицкевичу по увеселительной прогулке в Крым в обществе Витта, Собаньской и Ю. Грушецкого.

Сын коменданта Оренбургской крепости во времена восстания Пугачева, Бошняк родился в 1787 году, учился в Московском университетском пансионе, по окончании которого поступил в коллегию иностранных дел. С 1810 года, выйдя в отставку, он поселился в родовом имении Савинове Нерехотского уезда Костромской губернии, где одно время был избран уездным предводителем дворянства. С 1820 года Бошняк живет на юге, в Херсонской губернии, где ему досталось по наследству имение Катериновка, близ Елизаветграда, недалеко от границы Киевской губернии. По соседству, в имении Златополь, принадлежавшем брату отчима Бошняка, генералу Н. П. Высоцкому, близ Новомиргорода, будущий провокатор и познакомился с Виттом в конце 1824 года. Там же Бошняк встретился и с подпоручиком квартирмейстерской части военных поселений, декабристом В. Н. Лихаревым, собственником хозяина имения, доверчивость которого сумел впоследствии ловко использовать. Но на год раньше, на обеде у того же Высоцкого, начал свои наблюдения за декабристом Барятинским унтер-офицер 3-го Украинского уланского полка, расквартированного в Миргороде, И. В. Шервуд.

Пока Бошняк укреплял свои связи с Лихаревым и другим декабристом — В. Л. Давыдовым, Шервуд уже подал донос (по-видимому, в конце июня 1825 года), минуя свое начальство по военным поселениям в лице графа Витта. Он просил срочно под каким-нибудь предлогом арестовать его, чтобы лично доложить о заговоре. Через лейб-медика Виллье донос дошел до Александра I. 12-го июля Шервуда «арестовали» и отправили в Грузино к Аракчееву, которому царь поручил расследовать дело.

Вероятно, Витта заинтересовал арест подчиненного ему человека и отправка последнего в Грузино к его недоброжелателю Аракчееву. Если Мицкевич утверждает, что Витт знал о доносе Шервуда, то какие-то расследования встревоженный граф, очевидно, произвел.

Во всех источниках указано, что Шервуд попал на прием к Александру I в Каменноостровском дворце 17 июля; но это неверно. Камер-фурьерский журнал отмечает, что в этот день император находился на учении войск в Красном Селе и только 18 июля приехал в Каменноостровский дворец.

¹ С. Я. Б о р о в о й. Мицкевич накануне восстания декабристов. «Литературное наследство», т. 60, ч. 1. М., изд-во АН СССР, 1956, стр. 460.

² Восстание декабристов, т. X, Госполитиздат, 1953, стр. 147.

Но с ним не было Аракчеева, без которого вряд ли Шервуд был бы принят. Вместе с Аракчеевым в Каменноостровском дворце Александр I был 19-го июня 1825 года. Не произошло ли интересующее нас событие на месяц раньше?¹

Но вернемся к Бошняку. Много ему узнать не удалось, несмотря на его постоянные визиты в Каменку к В. Л. Давыдову. Поручение Витта, у которого с Бошняком были «одинакие чувства, одинакие мнения», о настоятельном желании графа вступить в Южное общество, Бошняк назойливо излагал Давыдову, но получил решительный отказ. Единственное, что удалось ему — это добиться согласия декабриста на встречу с Виттом на киевских «контрактах» 1826 года.

По-видимому, со стороны Витта это была не только провокация. Граф намеревался получить пост начальника всей кавалерии в случае победы революции. За это он и обещал свою помощь военной силой в торге с декабристами, предпочитая такую «мену» перспективе пойти под суд за казнокрадство. В записках декабриста Н. И. Лорера говорится, что последний ездил по совету Пестеля к одному из руководителей Южного общества А. П. Юшневскому, дабы узнать его мнение о предложении Витта, и тот решительно протестовал, утверждая, что Витт «не знает, как отдать отчет в нескольких миллионах рублей, им истраченных, и думает подделаться правительству, продав нас связанными по рукам и ногам, как курей»².

Однако донос Шервуда заставил Витта действовать решительно. Дело становилось опасным, и надо было спешить оправдаться, пока не начались аресты и следствие, на котором было бы трудно доказать, провоцировал ли тайное общество граф Витт или действительно готовил измену императору.

На досуге в Крыму и был разработан тщательный план доноса с учетом всех возможных неожиданностей. Прежде чем послать просьбу об аудиенции у царя, было составлено анонимное письмо, датированное 3-им августа 1825 года, на имя самого Витта, в котором не было названо ни одного имени, но давалось риторическое описание опасностей государю, правительству и самому графу как первой жертве революционеров. Письмо должно было служить подспорьем при докладе о раскрытии тайного общества.

Это анонимное письмо, по мнению автора капитального труда о царствовании Александра I Н. К. Шильдера, было сочинено Бошняком. Известный исследователь движения декабристов Б. Е. Сыроечковский полагал, что письмо могло быть составлено самим Виттом. Такое предположение более вероятно, но следует добавить, что в этом деле, видимо, принимала участие и Каролина Собаньская. Вероятно, Ф. Ф. Вигель и имел в виду этот факт, когда говорил о помощи Собаньской «безграмотному Витту». Во всяком случае, анализ языка и стиля мог бы подтвердить много общего в этом анонимном письме с письмом Собаньской Бенкендорфу в 1832 году.

Просьба об аудиенции была удовлетворена. Александр I назначил встречу на 18 октября 1825 года. О чем докладывал сиятельный провокатор императору, известно из донесения Дибича Николаю I от 4-го декабря. Свой сговор с тайным обществом через Бошняка Витт объяснил тем, что «давал им надежду склониться на их сторону по неприятностям, имевшимся между им и гр. Аракчеевым».

И здесь Витт повел двойную игру: он о многом умолчал, не выдал существования польского Патриотического общества, не упомянул имен поляков, зато кроме действительных «заговорщиков» назвал ряд лиц (по-видимому, желая замешать их в опасном деле из-за личной неприязни), которые никакого отношения к этому делу не имели. Таков был этот «очень скромный, очень послушный и преданный подданный граф Витт». По его словам, тайное

¹ ЦГИАЛ, фонд 516, оп. 29/1619, ед. хр. 23, л. 264 об., 319. С 26-го июня 1825 года по 6 июля Александр I проживал в Грузии у генерала от артиллерии графа Аракчеева.

² М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. II., М., изд-во АН СССР, 1955, стр. 197.

общество «старалось, но тщетно, помощью генерал-майора Михаила Орлова и сыновей генерала Раевского, заразить и Черноморский флот»¹.

Если М. Ф. Орлов был видным деятелем тайных обществ, то сыновья Раевского здесь были решительно ни при чем. Просто все они встречались с Виттом в Киеве и в Одессе, графу были хорошо известны неприязнь к нему Орлова и злые остроты А. Раевского. К Пестелю же у Витта были особые счеты — не только как к главному руководителю тайного общества, но и как к бывшему жениху его дочери Изабеллы, который затем от нее отказался.

Аудиенция в Таганроге окончилась указанием Витту «продолжать открытия свои».

6

Если во всей этой коварной игре Витту и удалось чего-то добиться, то внезапная смерть Александра I свела на нет все его достижения. Перспектива воцарения Константина Павловича означала бы для графа катастрофу: несмотря на поддержку начальника Главного штаба Дибича, он не удержался бы на своем месте. О раскрытии тайного общества Виттом цесаревич имел свое мнение: «Мне кажется, что главная всему этому есть пружина генерал-лейтенант граф Витт, который, чтобы подслужиться покойному государю императору и сделаться нужным, нарочно наделал беспокойства и подвел свои хитрые пружины»².

Неясно для Витта было отношение к нему и нового царя Николая I. В полученных от последнего Дибичем распоряжениях по ликвидации заговора ни словом не упоминалось о поручениях, данных Витту, а там затрагивались и такие вопросы, которые входили в компетенцию начальника южных военных поселений. Николаю было известно об аудиенции, которую дал Александр I Витту, но тем не менее в письме к Дибичу говорилось: «Как по всему делу видно, что в Одессе должно быть гнездо заговора, (...) то я считаю необходимым, чтобы вы переговорили о сем с графом Воронцовым, дабы и там принять нужные меры»³.

Все это не могло не обеспокоить Витта. О приоритете открытия тайного общества не приходилось и мечтать. Сведения о его якобы болезни в это время, видимо, надо считать распущенными не случайно.

Уже назначен был Следственный комитет, или аресты, накануне нового 1826 года прибыл из Таганрога в столицу Дибич, были вызваны туда командующий 2-й армией генерал от кавалерии граф Витгенштейн и начальник его штаба генерал-адъютант Киселев, арестованы, допрошены и отпущены братья Раевские и граф Олизар, в апреле был вызван в Петербург новороссийский генерал-губернатор граф Воронцов, а еще ранее — бессарабский вице-губернатор Ф. Ф. Вигель, но о начальнике южных военных поселений как будто забыли. Правда, в самом начале января в Петербург приехал из Елизаветграда «Генерал лейтенанта гр. Витты 1-го Адъютант, Лейб-гвардии Уланского полка ротмистр Бутаков»⁴, но с какой целью — неизвестно. Видимо, граф Витт просто понимал, что остаться без своего осведомителя в столице Российской империи в такой момент не только невозможно — опасно.

Между тем 6-го и 7-го января 1826 года Следственный комитет узнал из показаний арестованного В. Н. Лихарева о сношениях Витта через Бошняка с заговорщиками. Это показалось подозрительным, но Дибич успокоил Комитет, и тот 16-го января вынес постановление: «Для объяснения при допросах нужно иметь здесь помещика Бошняка, члена Союза Благоденствия, который приезжал к отставному полковнику Давыдову с предложением гр. Витта вступить в общество, сделанным, как объявил Нач. Гл. Штаба е. и. в., вследствие мер, принятых покойным императором. — Положили:

¹ Н. К. Шильдер. Император Александр Первый, т. IV, СПб., 1898, стр. 411.

² Н. К. Шильдер. Император Николай Первый, т. I, СПб., 1903, стр. 362.

³ Там же, стр. 247.

⁴ Санктпетербургские Ведомости, 1826 год, № 2, 4.

о высылке Бошняка в С. Петербург без арестования написать к губернатору, предупредив о том и гр. Витта»¹.

Кончилось бы для Бошняка все это плохо, если бы Дибич не допустил в своем объяснении ошибки во времени. Покойный император «принял меры» после аудиенции, позволив «продолжать следить», а предложение вступить в общество Витт поручил Бошняку передать декабристам еще до своего доноса.

Допрос Лихарева продолжался 18 января, 1 февраля и 5 марта, а В. Л. Давыдова — 1 и 16 февраля, то есть задолго до прибытия Бошняка в Петербург. Отношения к Херсонскому гражданскому губернатору и графу Витту были посланы лишь 20 февраля, и только через месяц фельдъегерь доставил Бошняка к Дибичу.

Не столь был наивен граф Витт, чтобы, получив извещение о вызове Бошняка, не пожелать встретиться с ним перед этим вояжем. Да и сам Бошняк отличался «похвальной тщательностью» по прежней службе («Человек умный и ловкий и принявший вид передового лица по политическим мнениям», — отзывался о нем декабрист Волконский, а Лихарев информировал Следственный комитет, что Бошняк — «человек суровой наружности и в речах весьма осторожный»). Надо полагать, Бошняк с Виттом успели обо всем договориться.

Не имея времени, Дибич поручил генерал-адъютанту А. И. Чернышеву провести допрос Бошняка, надеясь, что «он может нам дать и еще много чрезвычайно полезных указаний как относительно лиц, уже раскрытых, так и о тех, которых еще надо открыть».

23 марта 1826 года Чернышев допросил Бошняка и 26 марта представил рапорт Дибичу: «Открытия г. Бошняка могли принести существенную и важную пользу тогда, когда правительство не имело еще сведений о тайном обществе, но при обнаруженных уже Комитетом намерениях и действиях оного открытия сии не служат нитью для нового розыска. Некоторые однако же обстоятельства в представленном извлечении обращают на себя внимание, потому что Комитет не имел еще ясного об них сведения; впрочем, и сии обстоятельства со стороны Бошняка указываются как слышанные и незаключившие достоверности. Они могут быть средством к дальнейшему пояснению сих предметов»².

Это было сочтено «подвигом», «совершенным с благоразумной ревностью к пользе Государя и Отечества», который «достоин всемплоштивейшего благоволения Его Величества».

Вместе с рапортом Чернышев прислал Дибичу извлечение из объяснений Бошняка, которые назывались запиской «о сношениях моих с некоторыми из заговорщиков, в исполнение настоятельных требований генерал-лейтенанта графа Витта об открытии посредством оных обширного заговора, как в полуденном, так и в некоторых других краях России ветви свои простиравшего, и наконец об удостоении меня через графа Витта словесного повеления блаженные памяти императора Александра Павловича о продолжении и усилении сношений моих с заговорщиками»³.

Задача Бошняка была психологически сложной. Прежде всего он должен был учитывать, что Следственному комитету многое может быть известно, и объяснения нужно было давать так, чтобы они казались правдивыми. Особенно необходимо было маскировать посулы Витта тайному обществу о военной помощи, которые Бошняк от имени графа предлагал Давыдову при первом же свидании. Комитету это было известно из показаний В. Л. Давыдова от 1 февраля: Бошняк «приехав ко мне, объявил мне, что гр. Витту общество давно известно, что и поездку его ко мне он знает, предлагает войти в общество, обещает возмутить поселения и с 50 тысячами присоединиться

¹ Б. Е. Сыроечковский, Записка А. К. Бошняка, Красный Архив, т. 2 (9) Госиздат, 1925, стр. 201.

² Там же, стр. 200.

³ Там же, стр. 204.

к тем, кои поднимут оружие против правительства, что за сие требует только команду всей кавалерии»¹.

Это Бошняк хорошо знал, и потому уже в названии его записки был акцентирован момент «о словесном повелении блаженной памяти императора Александра». Записка составлена Бошняком тонко и умело, с преамбулой благородства своих намерений и жертвенности. «Я страшился, чтоб общество не причло поступка моего к другим каким-либо видам, кроме истинной любви к государю и отечеству, чтоб не смешали меня с теми низкими душами, которые из мелкой корысти предадут и друзей и клеветов своих, наконец, чтоб самая память моя не была очернена столь презираемым именем шпиона! Страшился, но судил, что есть случаи, в которых истинно любящий государя и отечество подданный обязан жертвовать для защиты их и самую доброю славою, — решился — и пожертвовал ею»².

Бошняк объяснил, что, хотя и не предвидел «настоящей в том необходимости», но все же «принял на себя личину отчаянного и зверского бунтовщика». Самые опасные для себя и для Витта сведения о военной помощи, обещанной декабристам, он искусно переставил хронологически с первого свидания с Давыдовым на конец своей агентурной деятельности, так как якобы вынужден был бороться с недоверием Давыдова.

Отвечая на вопросы Комитета 13 апреля 1826 года, В. Н. Лихарев заявил, что «я бы мог привести в заключение некоторые обстоятельства, которые бы преданность г-на Бошняка могли сделать сумнительною, но не возвышу голоса против нечестия, которое обнаружится правосудием и упадет собственною тяжестью своею»³.

Но расчеты Лихарева на «правосудие» не оправдались — поверили провокатору, а не декабристу.

29 марта 1826 года Дибич возвратил Чернышеву его рапорт и записку Бошняка: «При сем имею честь обратиться Вашему Превосходительству бумаги о коллежском советнике Бошняке. Полагаю, что оные нужно внести для рассмотрения в Комитет о злоумышленном обществе. При первом же свидании прошу покорнейше объясниться со мною насчет сего Бошняка»⁴.

В тот же день Комитет вынес свое заключение о Бошняке: «По сообщенным от него открытиям гр. Витт донес покойному государю о тех подробностях, кои вместе с открытиями Шервуда и Майбороды дали первое положительное известие о тайном обществе. Все, что Бошняк раскрыл и в сем показании описывает, совершенно согласно с имеющимися в Комитете сведениями и доказывает благоразумие и осторожность его действий. Положили: взять в соображение»⁵.

На сей раз Бошняк уже не удостоился незаслуженной им чести называться «членом Союза Благоденствия». По его записке еще раз допрашивали Давыдова 10-го апреля, а Лихарева 13-го апреля 1826 года. В связи с приведенным выше заявлением Лихарева возникла мысль об очной ставке, но «Бошняк не был призываем потому, что в разведании о злоумышленном обществе он действовал вследствие высочайшего соизволения покойного государя императора»⁶.

Так хитрость Бошняка сыграла свою роль. Отзыв Комитета был включен в очередную докладную записку его председателя Татищева Николаю I.

Наконец, в середине мая, когда следствие уже подходило к концу, в Комитет потребовали и самого генерал-лейтенанта Витта. Он прибыл в Петербург около 25 мая 1826 года⁷. Но с докладом его принял Николай I только 8 июня и вторично, вместе с Дибичем, 10 июня⁸.

¹ Красный Архив, стр. 221.

² Там же, стр. 205.

³ Там же, стр. 222.

⁴ Там же, стр. 201.

⁵ Там же, стр. 201.

⁶ Там же.

⁷ Первое прибавление к С.-Петербургу. Ведомостям № 43. Пятница, 28 мая 1826 года.

⁸ Камер-фурьерский журнал, фонд 516, оп. 1/120/2322, ед. хр. 6, л. 28 об., 32.

От Дибича и Бшняка Витт уже знал о всех перипетиях следствия, и теперь самая главная его задача состояла в том, чтобы «подслужиться новому государю и сделаться ему нужным». Чтобы обосновать свои рискованные действия по установлению контактов с заговорщиками, Витт задумал новую провокацию. Он решил «напомнить» новому царю об особой к нему доверенности «блаженные памяти» прежнего. Надеясь на неопытность Николая, Витт составил докладную записку о «поручениях, в которых был употреблен императором Александром I». Объясняя свои отношения с прежним царем, Витт писал: «Того же 1819 года (...) повелено мне было иметь наблюдение за губерниями: Киевскою, Волынскою, Подольскою, Херсонскою, Екатеринославскою и Таврическою, и в особенности за городами Киевом и Одесою, при чем его величество изволил поручить мне употреблять агентов, которые никому не были бы известны, кроме меня; обо всем же относящемся до сей части никому, как самому императорскому величеству, доносить было не позволено, и все на необходимые случаи разрешения обязан я был принимать от самого в Бозе почивающего государя императора»¹.

Этот курьезный документ, на который так любят ссылаться исследователи, является плодом дерзкой выдумки графа Витта, который лгал с таким отъявленным и бессовестным спокойствием, что Николай вынужден был ему поверить, хотя прекрасно знал: бывшие польские губернии Подольская и Волынская находятся в сфере влияния великого князя Константина Павловича. Свидетелем Витт выставил только одного человека, причем покойного — это был «в Бозе почивающий Государь Император». Чтобы следить за такой огромной территорией, надо было создать вторую полицию, иметь огромные средства и пользоваться особым доверием монарха, которого у Александра I, знавшего авантюрные наклонности Витта, к нему не было. Новый царь был очень подозрителен, и стремление Витта вмешиваться в функции полиции без ведома начальства его одобрения вызвать не могло. Однако у Витта был здесь расчет не только оправдаться перед правительством, но, может быть, приобрести право на особую роль в III отделении канцелярии его величества, которое в ту пору завершало «организационный период» своей истории и готово было приступить к действиям.

С. С. Ланда нашел в архиве историка Н. К. Шильдера копию с черновика письма к киевскому губернатору от 1 января 1823 года, как будто подтверждающего, что Витту действительно было разрешено доносить лично императору: «По высочайшему повелению е. и. в. сообщаю вашему превосходительству, дабы вы обратили должное внимание на изустное поручение, кое к вам имеет генерал-лейтенант граф Витт. Донесения ваши по сим предметам, е. и. в. угодно, чтобы вы их адресовали на его высочайшее имя, в собственные руки, вкладывая ваш пакет в другой адрес ко мне»².

Но имеет ли этот документ отношение именно к тем функциям, которые указывал Витт в докладной записке Николаю I? Он утверждал, что поручение Александра I было дано ему в 1819 году, а письмо относится к 1823 году, когда предполагался смотр императором 2-й армии в Тульчине, в котором участвовали и дивизии Витта.

В бумагах Витта после его смерти не оказалось документов, подтверждающих подобную деятельность. Впрочем... за одним исключением.

Граф Витт умер в 1840 году, бумаги его III отделение сразу опечатаило, и, разбрав их, нашли черновик рапорта Бошняка на имя графа, составленный в конце июля 1826 года и заключающий в себе отчет о поездке в Псковскую губернию для «возможного тайного и обстоятельного исследования поведения известного стихотворца Пушкина, подозреваемого в поступках, клонящихся к возбуждению к вольности крестьян» и для «арестования его и отправления куда следует, буде бы он оказался действительно виновным»³.

¹ Н. К. Шильдер. Император Николай Первый, т. I, стр. 526.

² Литература славянских народов. Выпуск 4, Изд-во АН СССР, 1959, стр. 134.

³ Б. Л. Модзалевский. Пушкин под тайным надзором, 1925, стр. 21.

Документ этот обнаружили в советское время.

Чем же все это могло быть вызвано?

Мы знаем, как ревниво относился Николай I к тому, что происходило в Следственном комитете по делу декабристов. Комитет еще только начал работу, а его председателя, военного министра генерала от инфантерии Татищева уже поспешили наградить орденом святого Владимира I-ой степени. По окончании работы Комитета, 1-го июля 1826 года «за неутомимую деятельность и труды (...) по званию председателя Следственной комиссии» ему «всемилодивейше» были пожалованы алмазные знаки ордена Александра Невского, а после коронации он получил и графское достоинство¹.

Естественно, что и граф Витт ожидал какого-то одобрения за свои «труды», но прошел июнь и половина июля 1826 года, объявили приговор, казнили «государственных преступников», на следующий день отслужили благодарственный молебен и император со свитой уехал на коронацию, так и не отметив «заслуг» Бошняка и Витта. Правда, 15 июля Бошняка восстановили на государственной службе и сделали чиновником по особым поручениям при графе Витте. Следовательно, Николаю I оказалась по душе движимая «беззаветной любовью к государю и отечеству» деятельность провокатора, и он желал ее продолжения, лишь заменив несколько неблагозвучное звание шпиона на облагороженный термин «чиновник по особым поручениям».

Однако награды пока не было. Счастливицу Шервуду повезло, — ему и к фамилии прибавили добавление «Верный» (что в народе видоизменили на «Скверный»), и дали дворянство, и герб подобрали, и произвели его в офицеры. А другим, не менее «верным» ... Было от чего растеряться.

Однако Бошняк, «зная совершенно всю тонкость и пронизательность ума графа, всю убедительность исполненного огня красноречия его», был уверен, что Иван Осипович докажет необходимость награды «истинно любящему государя и отечество подданному». Новая провокация уже давно зрела в мыслях Витта.

Имя Пушкина, столь хорошо знакомое графу по Одессе и салону Собаньской, вновь приобрело в последекабрьские дни отчетливо политический оттенок. Во всех следственных делах по декабристским обществам оказались вольнолюбивые и противоправительственные стихи поэта. Новому императору пришлось даже приказать вырвать все листы со стихами из этих дел и уничтожить их.

И как раз в ту пору во всех книжных лавках Глазунова, Смирдина и других появилась (с объявлением о том в Санктпетербургских Ведомостях) книжка «Стихотворения Александра Пушкина» с выразительным эпиграфом: «Первая молодость воспевае любовь, более поздняя — смятения».

Карамзин пришел в ужас. Он укорял издателя П. А. Плетнева в намеке на восстание декабристов: «Что это вы сделали? Зачем губит себя молодой человек?». Но его успокаивают объяснениями, что здесь подразумеваются душевные смятения².

Однако император этому не поверил. Он приказал Дибичу выяснить, по каким делам Плетнев связан с Пушкиным. Плетнева вызывают, допрашивают и убеждаются в справедливости его репутации смиренного и даже робкого человека. «Иметь за ним строгий надзор!» — все же приказывает император. Плетнев прерывает переписку с поэтом.

В новом сборнике Пушкина противоправительственных стихов не оказалось, но одно крамольное, на взгляд Витта, стихотворение там все же имелось. Это была элегия «Простишь ли мне ревнивые мечты...», и кому, как не графу Витту, было не знать, что стихи

В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полу-одета,
Зачем его должна ты принимать?..

¹ Санктпетербургские Ведомости 1826 года № 2, 55, 73.

² Русский Архив, 1870, столб. 1366.

относятся лично к нему. Опущенные в предыдущей публикации строки вновь появились в этом сборнике.

Витту это не могло не быть досадно.

Пока у него была надежда, что постигшая декабристов кара не минует и дерзкого поэта, предпринимать что-либо против него не было смысла, но когда стало ясно, что все для Пушкина обошлось благополучно, то Витта вдруг озарило: как хорошо было бы «разоблачить» поэта и тем самым приобрести лишний козырь в игре с Николаем Павловичем.

Когда Витт делал доклад императору 8-го июня 1826 года, в Петербург приехал бывший член Союза Благоденствия, отставной генерал-майор П. С. Пущин. Бошняк не знал Пущина, но Витту он был хорошо известен — не только по шумевшему делу в связи с арестом первого декабриста В. Ф. Раевского в Кишиневе. П. С. Пущин был основателем и руководителем масонской ложи в Кишиневе, где были членами и Пушкин, и В. Ф. Раевский. «Грядущий наш Квирига» — именем испанского революционера называл этого генерала Пущин, «другом свободы» — В. Ф. Раевский.

После ареста В. Ф. Раевского Пущин был отстранен от командования бригадой, а 28 марта 1822 года, по именному повелению Александра I, уволен без прошения в отставку и навсегда удален из армии¹.

После своей отставки генерал жил некоторое время в Одессе, там и женился, породнившись с графом Лаллжероном, там встречался с Виттом. За границу его не пустили, и он уехал в свое имение Жадрицы Псковской губернии. К следствию по делу декабристов его не привлекли, но какая-то надобность привела его в Петербург, где он, по-видимому, и встретил Витта.

Известно, что благодаря распространению слухов о предстоящей отмене крепостничества в марте 1826 года в Псковской губернии начались крестьянские волнения. Николай I вынужден был издать специальный манифест от 12 мая 1826 года, объявляющий такие слухи ложными и требующий от крестьян повиновения их господам под страхом сурового наказания. Псковский губернатор фон Адеркас принимал меры по умирению волнений, но они не утихали. Надо полагать, что в разговоре с Пущиным Витт мог затронуть и эту тему, в связи с чем был упомянут живший в Псковской губернии Пущин (что отмечено в рапорте Бошняка). Вот этим обстоятельством и воспользовался Витт. Здесь могут быть две версии. По одной из них можно предположить, что Витт на докладе 10 июня 1825 года предложил царю воспользоваться услугами Бошняка и проверить, в какой мере поступки поэта могут быть связаны с волнениями крестьян. По другой — Витт по собственной инициативе, с помощью хорошо к нему относившегося начальника Главного штаба Дибича, организовал слежку за Пушкиным, чтобы, в случае успеха, преподнести императору сюрприз и представить перед ним арестованного поэта для допроса. Что это могло быть инициативой Витта — видно по отсутствию каких-либо других свидетельств и документов. Тем более, что генерал-губернатор Прибалтийского края Паулуччи находился в постоянной переписке с Министерством внутренних дел по делам крестьянских волнений, но никаких официальных требований правительства касательно специального наблюдения за Пушкиным ни Паулуччи, ни фон Адеркас не получили. Мало того, в это время псковский губернатор сам хлопотал перед Паулуччи о пересылке прошения поэта на «высочайшее» имя о смягчении его участи. Это прошение было послано в Петербург вместе с положительной характеристикой Пушкина, данной местными властями.

Недавно в «Литературной газете» № 22 от 2 июня 1976 года появилась статья Н. Эйдельмана, где он публикует найденный им документ № 1273 как «новый материал к биографии А. С. Пушкина». Правильнее было бы назвать его новым материалом к биографии И. О. Витта.

Вот текст этого документа: «Открытое предписание. Предъявитель сего фельдъегерь Блинков отправлен по высочайшему повелению государя импе-

¹ Литературное наследство, т. 60, кн. I, М., изд-во АН СССР, 1956, стр. 523.

рапера для взятия и доставления по назначению, в случае надобности при опечатаении и забрании бумаг, одного чиновника, в Псковской губернии находящегося, о коем имеет объявить при самом его арестовании. Вследствие сего по высочайшей воле его императорского величества предписывается, как военным начальникам, так и гражданским чиновникам, земскую полицию составляющим, по требованию фельдъегеря Блинкова оказывать ему тотчас содействие и вспомошествование к взятию и отправлению с ним того чиновника, о котором он объявит.

В Санктпетербурге. Июля 19-го дня 1826 года.

Подписал военный министр Татищев. № 1273».

Этот документ имеет непосредственное отношение к графу Витту, который мог выхлопотать его с тем, чтобы Бошняк могло сопровождать официальное лицо, подчиняющееся его указаниям и имеющее право на арест любого лица.

Такая предусмотрительность графа говорит о полной уверенности в положительном результате затеянной авантюры, а главное — в необходимости поспешить с ее исполнением. Бошняк и Блинков выехали в тот же день, не теряя ни минуты. Витт желал незамедлительно, до коронации, спровоцировать Пушкина на неосторожный поступок и вместе с поздравлением новому императору преподнести неожиданный «подарок» его величеству.

Для возвращенного на службу чиновника по особым поручениям при Витте не надо было никакого документа, достаточно было «словесного приказа» его сиятельства. В рапорте Витту Бошняк пишет, что «причина его отправления» заключалась в беседе Витта с Пуцциным, «от которого вышли все слухи о Пушкине». Но так ли это было?

Разговоры с Пуцциным не могли относиться к указанному времени — по рапорту того же Бошняка мы знаем, что П. С. Пуццин давно уже был у себя дома. Использовать Бошняка тотчас же Витту было нельзя, официально он еще не был прикомандирован к нему для особых поручений. Но вот когда уехал император, можно было начать действовать.

В комментарии к своей публикации Н. Эйдельман говорит, что «как видно из рапорта Бошняка, П. С. Пуццин упомянул о Пушкине как вольнодумце, и можно было понять его так, будто вольные мысли поэтом не очень скрываются, а проявляются в неких разговорах и даже „пущенных в народ песнях“». Эти сведения переданы Николаю I. Царь, без сомнения, напуган и рассержен: агитация в народе в роковые дни окончания суда и казни! Дается, очевидно, устное распоряжение генералу Витту, который именно в июне и начале июля 1826 года постоянно работает с императором; и, конечно, важным элементом этой работы являются особые задания по части сыска, которые Витт столь успешно выполнял на юге России.

Однако на основании рапорта Бошняка такой вывод сделать трудно. Что же касается встреч императора с Виттом в июне и июле 1826 года, то почему камер-фурьер Бабкин «забыл» отметить их в своем журнале начиная с 11 июня 1826 года?¹

Прежде всего характер рапорта Бошняка полностью опровергает «слухи о Пушкине», исходящие от Пуццина, следовательно, надо считать их провокацией Витта, который, посылая своего агента, не пожалел усилий для очернения поэта. Если бы об этих «слухах», исходящих от Пуццина, было доложено императору, П. С. Пуццин был бы вызван для допроса и началось бы официальное следствие без участия Витта. Но мы знаем, что этого не случилось. Факт лишь «словесного приказа» его сиятельства говорит сам за себя. Инициатором этой провокации надо считать самого Витта, независимо от того, получил ли он одобрение царя или сам решился на авантюру. Примеры мстительности его известны.

Что же касается имени императора в документе № 1273, то все документы подобного рода писались как изданные «по высочайшему повелению», это —

¹ ЦГИАЛ, Камер-фурьерские журналы, фонд 516, оп. 1/120/2322, ед. хр. 6, 7.

обязательная формулировка в деловой переписке того времени по особо важным поводам.

Сочиняя открытое предписание, да еще боясь указывать в нем имя Пушкина, Витт просил письмоводителя вставить вместо него безличное наименование «одного чиновника Псковской губернии», не зная, что еще 11 июля 1824 года Александр I приказал исключить поэта из списков чиновников Министерства иностранных дел «за дурное поведение», как писал Цессельроде графу Воронцову.

Но, по-видимому, Бошняк понял, в какую опасную авантюру тянет его граф Витт. Одно дело — предавать Лихарева или Давыдова, а другое — первого поэта России. Такой эпизод его биографии не мог избежать огласки.

Александр Карлович Бошняк сам занимался литературой, о чем, как мы указывали выше, упоминал Мицкевич. В эти годы он работал над правственно-сатирическим романом «Якуб Скупалов или исправленный муж», который закончил в 1830 году и издал в Москве, хотя и анонимно. Отправляясь на выполнение задания Витта, Бошняк уразумел, чем может грозить «успех» его литературной репутации. В его черновом рапорте Витту видно борение противоположных чувств. Там есть и желание угодить «его спятельству», но есть и стремление затушевать и нейтрализовать опасные для Пушкина сведения. С кем бы ни встречался Бошняк — всегда в его отчете есть «во-первых» и «во-вторых»: теньевые стороны и реабилитация «объекта».

Фельдъегеря он и близко не подпустил к тому месту, возле которого кружил и вынюхивал. Он оставил его на почтовой станции Бежаницы, в семидесяти верстах от Михайловского. Приехав в Новоржев, Бошняк, выдав себя за путешествующего ботаника, познакомился с хозяином гостиницы Катосовым, уездным судьей Толстым, смотрителем по винной части Трояновским, уездным заседателем Чихачевым. Все они в один голос утверждали, что Пушкин живет смиренно, крестьян не «бунтует», и выразили уверенность, что поэт «в поступках, ко вреду правительства устремленных, не подзревается».

Бошняк пишет Витту о псковском предводителе дворянства Львове. Тот понимает, «что известные по сочинениям мнения Пушкина — яд, оными разлитый», но... «впрочем поступки Пушкина отнюдь с прежними писаниями его не согласны». «Поелику, — пишет Бошняк, — все сии известия неудовлетворительны», то есть не удовлетворят Витта, то пришлось поехать к Пуцину — «от которого вышли все слухи о Пушкине».

Бошняк передал Пуцину поклон от бывшего одесского губернатора Ланжерона, хотя и не знал его. Но здесь его надоумил Витт. Дело в том, что генерал от инфантерии граф Ланжерон, против которого когда-то интриговал Витт, и в самом деле 15 апреля 1826 года приехал в Петербург из Варшавы, а 16-го представлялся Николаю I. Ездил он и на коронацию¹. Видимо, где-то в Петербурге он встретился с Виттом. Пуцину Ланжерон доводился свояком (они были женаты на сестрах), и ложный поклон оказался кстати.

В результате беседы оказалось, что слухов никто не распространял, а «Пушкин ведет себя несравненно осторожнее противу прежнего; что он говорун, часто возводящий на себя небылицу, что нельзя предполагать, чтобы он имел действительно противу правительства намерения, в доказательство чего и основывались на непричастности его к заговору, которого некоторые члены состояли с ним в тесной связи; что он столь болтлив, что никакая злонамеренная шайка не решится его себе присвоить; наконец, что он человек желающий отличить себя странностями, но вовсе неспособный к основанному на расчете ходу действий»².

¹ Санктпетербургские Ведомости 1826 года № 32; ЦГИАЛ, фонд 516, оп. 1/120/2322, ед. хр. 4, л. 31.

² Б., Л., Модзалевский, Пушкин под тайным надзором, стр. 26.

И опять Бошняк утешает Витта: это все не проверенные свидетельства, а толки, и посему поехал он «искать истины при источнике, т. е. в Святогорском монастыре», у игумена Иопы.

Поразив настоятеля усиленной щедротой, опущенной в церковную кружку, Бошняк только и сумел выяснить, что Пушкин «живет, как красная девка и ни во что не вмешивается».

Свой рапорт Бошняк закончил словами: «Таким образом удостоверюсь, что Пушкин не действует решительно к возмущению крестьян, что особого на них впечатления не произвел (...), что действительно не может быть почтен, — по крайней мере поныне, — распространителем вредных в народе слухов, а еще менее возмутителем, — я, согласно с данными мне повелениями, и не приступал к арестованию его»¹.

Бошняк отпустил фельдъегеря Блинкова и через Витебскую и Смоленскую губернии отправился в Москву. Там провокатор и передал графу Витту 1-го августа 1826 года свой рапорт и две объяснительные записки: «А. О Пушкине, В. О различных сторонних сведениях».

Однако Витт потребовал от Бошняка сдать ему и все черновые записки. Они много лет пролежали в бумагах графа как свидетельство провокации, пока не попали в секретное дело III отделения после его смерти. Бошняк сдал и открытый лист на арест за № 1273 с отчетом об израсходовании тридцати сребренников — 300 рублей, за вычетом оставшихся 51 рубля 70 копеек.

Найденное Н. Эйдельманом «открытое предписание» не является подлинником. Это копия, не имеющая подписи Татищева, но заверенная правителем канцелярии дежурного генерала Главного штаба по секретной части. Однако это первый документ подшитого дела, начатого 8-го августа и законченного 15 декабря 1826 года.

Дело это давно известно исследователям. В 1937 году оно экспонировалось на Всесоюзной Пушкинской выставке в Москве. В 1939 году его просматривал М. А. Цявловский, в 1954 году — С. С. Ланда и другие.

В этом деле отсутствуют рапорт Бошняка и его объяснительная записка о Пушкине под литером «А», но «записка о сторонних сведениях» под литером «В», тщательно переписанная им набело, сохранилась. В ней небольшое вступление: «Предписано было мне, не только разыскать касающееся до г. Пушкина, но и не упускать из вида и прочих случаев, которые могли бы казаться мне не недостойными внимания, почему и излагаю здесь подробный отчет о всем слышанном и замеченном мною в продолжении пути»².

«Сторонние сведения» не касаются Пушкина, но Николай I их читал и отметил: «велеть разведать», «уведомить М. Паулуччи, чтобы обратил на сие внимание», «приказать к. Хованскому узнать и допести», «узнать справедливо ли?».

В своей статье Эйдельман пишет: «Теперь, 150 лет спустя, мы узнаем, что утром 7-го августа 1826 года набело переписанный отчет Бошняка был прочтен царем (...). В то утро царь делает на полях какие-то пометы; начальник Главного штаба Дибич надписывает: „По секретной части. Для исполнения по отметкам“. Затем „пушкинские листы“ уничтожаются; это произойдет, очевидно, через месяц, когда после каких-то пока не разгаданных нами размышлений, царь решает Пушкина возвратить...».

Это могло быть так, но могло быть и иначе. Прежде всего неизвестно, читал ли император записку Бошняка о Пушкине?

Бошняк передал свой рапорт и записки Витту 1-го августа 1826 года, а Витт вместе с Дибичем был на докладе у Николая I не 7-го августа, а 2-го³. Возможно, он и не показал царю оправдательные записки о Пушкине, как нежелательные для своих личных целей. Содержание результатов розыска могло быть изложено устно, а могло быть и вовсе опущено: в этот день Нико-

¹ Б. Л. Модзалевский. Пушкин под тайным надзором, стр. 29.

² ЦГВИА, фонд 36, опись 4/847, дело № 385, л. 3.

³ ЦГИАЛ, фонд 516, опись 1/120/2322, ед. хр. 8, л. 11.

лай I многих принимал с докладами и рапортами, а кроме того, делегацию от купечества, делегацию от мещан. Вряд ли эти документы о Пушкине вообще были в деле от 8 августа — 15 декабря 1826 года (а после почему-то «уничтожены»). По-видимому, Витт просто ограничился второй запиской, так как провокация не удалась, а оправдать работу нового «чиновника по особым поручениям при графе Витте» было необходимо.

Забегая вперед, скажем, что Витт был очень недоволен «неопытностью» нового царя.

7

Не без обиды уехал Пушкин из Одессы в 1824 году, унося печальную память сердечных увлечений. По приезде в Михайловское он включает в стихотворение «Разговор книгопродавца с поэтом» лирический фрагмент, в черновом варианте которого отразилась вся горечь отношений поэта с Каролиной Собаньской:

О если б Лета поглотила
Мои летучие листы
И память злобной красоты
Сокрыла б темная могила!..

(II₂, 841—842)

Мы не знаем иного женского образа, которому так соответствовали бы эти столь полно отразившие душевное состояние поэта стихи. В относящемся к той же поре незаконченном отрывке из ответа графу Олизару, который писал Пушкин по приезде в Михайловское, звучит тот же мотив:

И тот не наш, кто польке злобной
Кольцом заветным обручен.

(II₂, 860)

«Существо выдающееся и златворное» — так писал поэт о Собаньской в черновике к ней от 2 февраля 1830 года, но зачеркнул эту фразу.

Как же сложились в Одессе отношения между соперниками? Почему именно преследовал Пушкина Витт? Только ли элегия «Простишь ли мне ревнивые мечты...» была тому причиной?

Мы не можем с исчерпывающей точностью ответить на эти вопросы. Есть факты значительные, но соблазн объяснить их таит в себе опасность не угадать.

...Шли годы.

Граф Витт не особенно был доволен результатами своей службы при новом царе. Правда, его наградили, но не орденом, а только алмазными знаками к ордену Александра Невского, пожалованному ему еще Александром I в 1820 году. Отметим в царском указе и то, за какие труды наградил его Николай I — не только за военные поселения, но и за «отличное исполнение возложенных на него блаженной памяти императором особенных поручений». Но этот указ был издан не после коронации, а спустя месяц. В дни торжеств не забыли и Бошняка — пожаловалц орден святой Анны 2-ой степени за труды, тоже связанные с «блаженной памятью».

Но на следующий год и сам Витт оказался под секретным надзором. На него донес херсонский вице-губернатор Рюль, заметивший «недовольные и резкие замечания» Витта о неопытности Николая I¹. Однако графу удалось спасти свою карьеру, и он снова получил благодарность «за успешное постепенное достижение вверенных ему поселенных войск к предназначенной цели и устройство». В 1828 году ему была пожалована мыза Бранденбург-Гидборн в Курляндии, близ Митавы. В Ревеле он имел свой собственный дом. Этот город был морским курортом для петербургской знати, и летом сюда устремлялось все высшее общество.

¹ С. С. Ланда. Мицкевич накануне восстания декабристов, стр. 178.

В записной книжке П. А. Вяземского и в его письмах к жене за 1830 год есть заметки о присутствии на «концерте в зале Витта», посещении «салона Витта» и «купален Витта». У него Вяземский купил «два шкафа и старый фарфор».

В Ревеле, видимо, находилась и Каролина Собаньская, во всяком случае в Петербурге Вяземский с ней встречается: «Собаньская умна, но слишком величава. Спроси у Пушкина, — пишет он жене, — всегда ли она такова, или только со мною и для первого приема». Через день он снова встречается ее у Завальевского, чиновника особых поручений при Воронцове.

Но петербургское общество чопорнее одесского, и «Виттова любовница» не обрела симпатий столичного «бо-монда». Один Пушкин остается верен своим чувствам к ней:

Когда твои младые лета
Позорит шумная молва,
И ты по приговору света
На честь утратила права;
Один, среди толпы холодной,
Твои страданья я делю
И за тебя мольбой бесплодной
Кумир бесчувственный молю...
...
... Не пей мучительной отравы;
Оставь блестящий, душный круг;
Оставь безумные забавы:
Тебе один остался друг.

Поэт не злопамятен: предлагая этой женщине дружбу, он уверен, что в ее душе есть источник добрых начал. «Я рожден, чтобы любить вас и следовать за вами», — говорит он в письме к ней от 21 января 1830 года. В этом письме упомянут непонятный географический пункт: «Когда-нибудь у меня будет клочок земли в ... Там смогу я совершать паломничества, бродить вокруг вашего дома, встречать вас, мельком вас видеть» (XIV, 445). Это слово расщифровывали по-разному: «в Крыму», «в Молдавии», «в Волыни», «в Одессе», но судя по тому, что это место должно быть недалеко от Петербурга, следует читать «в Эстляндии».

Действиями Собаньской руководило не суетное чувство укрепления своих связей в высшем свете. 1830 год был кануном польского восстания. Польское патриотическое общество, хотя и понесло некоторый урон в 1826 году, но сохранило свои позиции и после деятельности Варшавского Следственного Комитета, учрежденного 7 февраля 1826 года.

В 1828 году возникли новые тайные общества, военные и гражданские, которые и стали инициаторами польского восстания 1830—1831 годов.

В записке Собаньской к Пушкину от 2 февраля 1830 года она упоминает о необходимости «визитов» и «деловых разъездов». В какой мере они вызваны ее патриотическими устремлениями, сказать трудно. Но вот наступил день 29 ноября 1830 года, когда группа конспираторов напала на резиденцию великого князя Константина Павловича, что послужило сигналом к восстанию. В рядах восставших оказалось и много завсегдаев салона Собаньской — полковник Блендовский, разъезжавший с Виттом по военным поселениям, брат Густава Олизара — Нарцыз Олизар, Александр Собаньский и другие.

3-й Резервный кавалерийский корпус под командой генерал-лейтенанта Витта получил приказание идти к границам Польши. Но, видимо, Николай I не совсем доверял командиру. Он писал Дибичу: «Один только Витт, отдельный командир, пугает меня, чтобы не натворил глупости»¹. Вероятно, это был намек на связь генерала с Собаньской. Одно время Витту пришлось передать корпус генералу Толю, но вскоре он вновь вступил в командование

¹ Русская Старина, 1885, т. XLVI, стр. 527.

и участвовал в разгроме польских войск, за что получил награды и был назначен Варшавским военным губернатором.

Собаньская, несомненно, тяжело переживала поражение поляков и роль в нем своего возлюбленного, но она быстро овладела собой и появилась в Варшаве. На это вскоре обратили внимание. Управляющий III отделением А. Н. Мордвинов докладывал шефу жандармов Бенкендорфу: «частные известия из Варшавы поистине отвратительны. Поляки и польки совсем завладели управлением. Образовалось что-то вроде женского общества под председательством г-жи Собаньской, продолжающей иметь большую силу над графом Виттом. Благодаря этому главные места предоставляются полякам, и именно тем, которые наиболее участвовали в мятеже (...) Новости эти не с ветру, а верны вполне. Очень печально, а кто виноват? Один человек. Смените его кем-либо другим, кто смыслит в делах управления и умеет держать себя самостоятельно, и все пойдет гораздо лучше, и нам нечего будет так тревожиться насчет Польши»¹.

Правда, у Вита нашелся влиятельный защитник — сам наместник царства Польского князь Паскевич, который предложил царю сделать графа вице-председателем временного правительства Польши. Но на это последовал категорический отказ Николая I: «Назначить Вита председателем никак не могу, ибо, женившись на Собаньской, он поставил себя в самое невыгодное положение, и я долго оставил его в Варшаве никак не могу. Она самая большая и ловкая интриганка и полька, которая под личиной любезности и ловкости всякого уловит в свои сети, а Вита будет за нос водить в смысле видов своей родни»².

Под влиянием Собаньской оказался и Паскевич, которого Витт уверял, что Каролина — его агентурный сотрудник, доставляющий ему «наблюдения и известия». Но это не помогло. Николай I получил от русского посланника в Дрездене донесение, какие «известия и наблюдения» интересовали Собаньскую, после чего навсегда покончил с ее претензиями играть политическую роль. Паскевичу царь писал: «Долго ли граф Витт даст себя дурачить этой бабой, которая ищет одних своих польских выгод под личной преданностью, и столь же верна г. Витту как любовница, как России, быв ей подданная? Весьма хорошо бы было открыть глаза графу Витту на ее счет, а ей велеть возвратиться в свое поместье на Подолью»³.

Собаньская попыталась спасти положение и обратилась с письмом к Бенкендорфу, в котором продемонстрировала блестящий образец демагогии: «никогда женщине не приходилось проявить больше преданности, больше рвения, больше деятельности в служении своему монарху, чем проявленные мною часто с риском погубить себя, ибо вы не можете не знать, генерал, что письмо, которое я писала вам из Одессы, было перехвачено повстанцами Подолии и вселено в сердца всех, ознакомившихся с ним, ненависть и месть против меня. Взгляды, всегда исповедывавшиеся моей семьей, опасность, которой подвергалась моя мать во время восстания в Киевской губернии, поведение моих братьев, узы, соединяющие меня в течение 13 лет с человеком, самые дорогие интересы которого сосредоточены вокруг интересов его государя, глубокое презрение, испытываемое мною к стране, к которой я имею несчастье принадлежать, всё, наконец, я смела думать, должно было меня поставить выше подозрений, жертвой которых я теперь оказалась»⁴.

Это письмо неизменно производило большое впечатление на всех исследователей, но Николай Павловича Романова, который сам был незаурядным демагогом, оно не растрогало. И он был по-своему прав.

Вернувшийся в Россию с помощью Собаньской польский эмигрант М. Будзыньский вспоминал о ней: «Грешила слабой женской натурой, но чувства

¹ Русский Архив, 1886, книга 3, стр. 410—411.

² Рукою Пушкина, стр. 188—189.

³ Русский Архив; 1897, книга 1, стр. 8.

⁴ Рукою Пушкина, стр. 193—194.

польки никогда в ней не угасали. После взятия Варшавы, когда генерал Витт был назначен губернатором столицы, она спасла много несчастных польских офицеров от Сибири и рудников... навещала госпитали, где раненные польские офицеры ожидали своей участи, и многим, если не помогла освободиться, то уладила неволю и помогла в беде»¹.

«Государственный преступник» Нарцыз Олизар, попавший после подавления польского восстания в тюрьму Житомира и бежавший оттуда в 1833 году, видимо, с помощью Собаньской, вспоминал посещение ею тюрьмы:

«Выражение ее прекрасного лица было таким убежденным, ее слова были проникнуты такой добротой... желание помочь делало ее столь красноречивой, что я дал себя уговорить или вернее очаровать. До тех пор, пока я видел ее и слышал ее чарующий голос, я был весь наполнен счастьем ее близости...»²

Т. Бобровский и А. Ивановский в своих воспоминаниях не менее тепло отзываются о Каролине Собаньской: «... через Витта она добилась прощения и свободного возвращения многих особ, что вызвало к ней всеобщую любовь... Она была милой и доброй, и о ней можно было сказать: все ей простится, ибо она многих любила»³.

Собаньская никогда не изменяла своему патриотическому долгу, ради которого ей приходилось подчас лицемерить и лгать. Не изменяла она и своему чувству к Витту, надеясь побудить его принять участие в освобождении Польши. Трудно судить любящую женщину за то, что она слишком поздно поняла истинную суть этого человека, хотя повстанцы Польши заклеили его провокаторскую деятельность в статье, напечатанной в газете «Новая Польша» в 1831 году: «Витт был первым предателем и как бы капланом жертв, преданных на виселицу и муки в начале кровавого правления Николая I. Преступное управление всенными поселениями, в которые были вложены миллионы рублей Россией, пошатнуло кредит Витта у Александра: он спас себя, предав несколько десятков полковников, донеся императору о подробностях открытого им Южного общества»⁴.

Витт бросил Собаньскую, когда ему стала угрожать опасность попасть из-за нее в немилость к Николаю I. Но, принеся ее в жертву, он так и не продвинулся дальше поста начальника южных военных поселений до самой смерти.

Возможно, что разрыву их способствовала и сама Собаньская, которая только после провала восстания поняла, как ненадежен был близкий ей человек для благой цели освобождения ее отчизны.

Собаньская надолго пережила его, еще два раза выходила замуж и окончила свою жизнь в Париже в 1885 году.

В драме Мицкевича «Барские конфедераты» мы найдем отражение жизненной драмы Каролины Собаньской. Героиня пьесы названа ее именем. В словах Адольфа (имя, взятое Мицкевичем не без намека на роман Бенжамена Констана) выразилось участие поэта к ее житейским неудачам: «Я чувствую все то зло, которое тебе причинили и сострадаю. У тебя доброе и чувствительное сердце»⁵.

Собаньская не откликнулась на чувства Пушкина и Мицкевича, но они не осудили ее. И польская, и русская литература обогатились лирическими шедеврами, на которые она вдохновила двух великих поэтов.

¹ С. С. Ланда. Мицкевич накануне восстания декабристов, стр. 141.

² Там же.

³ Там же.

⁴ «Nowa Polska», Warszawa, 1831, N 56.

⁵ A. Mickiewicz, Dzieła, t. III, str. 408.

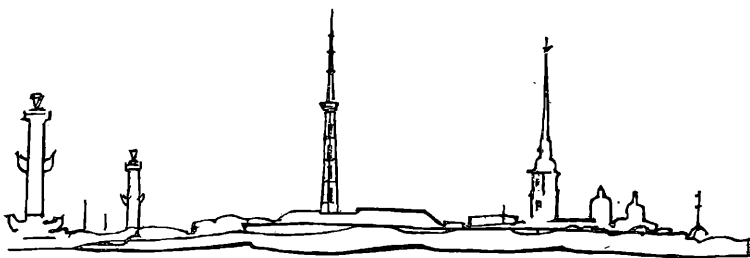
2

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА" МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал

НЕВА

*Орган Союза писателей РСФСР
и Ленинградского отделения
Союза писателей*

1977